

Ю.А. Васильев «Весна пришла», бумага, акварель, 2005

Педагогические ВЕСТИ

№ 38, 2009

»» Наше наследие
стр. 4

»» Химия – дело
жизни
стр. 22

»» Удивительная
судьба
стр. 36

»» Торжество
времени
стр. 44

Содержание

Тема номера: вечные ценности

тема номера: вечные ценности

Наше наследие

Г.А. Воробейков, Е.М. Колосова

4

8

символы
Блокадный Ленинград:
дожить до весны
Ю.К. Бахтин

15

юбилейные даты
Главное – жизненные ценности
А. Деркач

16

в зеркале времени
«Поведал миру Менделеев...»
А. Деркач

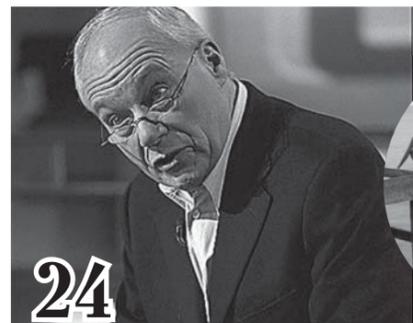
18

образование
Урок гимназии
М. Яичкина

22

научная мысль
Химия – дело жизни
И.В. Лихолетова

24

мастер-класс
Свобода слова – это вежливость
И. Уальская

26

знаки времени
«Школьный роман» длиною в жизнь
В.М. Шадрова

30

университетский Монмартр
Артистизм мастера
Н.Н. Громов

32

КАЛЕНДАРЬ 2010

36

призвание – педагог
Уникальная судьба

40

мастерская слова
Поэзия сильного звучания
Е.С. Роговер

44

вечные ценности
Торжество времени
Б.М. Сергеев

48

Study'я
Рассвет
И. Хольмстрем

51
Старая песня о главном
Mass-media

52

тенденции
Кризис по-петербургски
М.Н. Дробышева

56

исторические параллели
Человек человеку – брат
Б.М. Сергеев

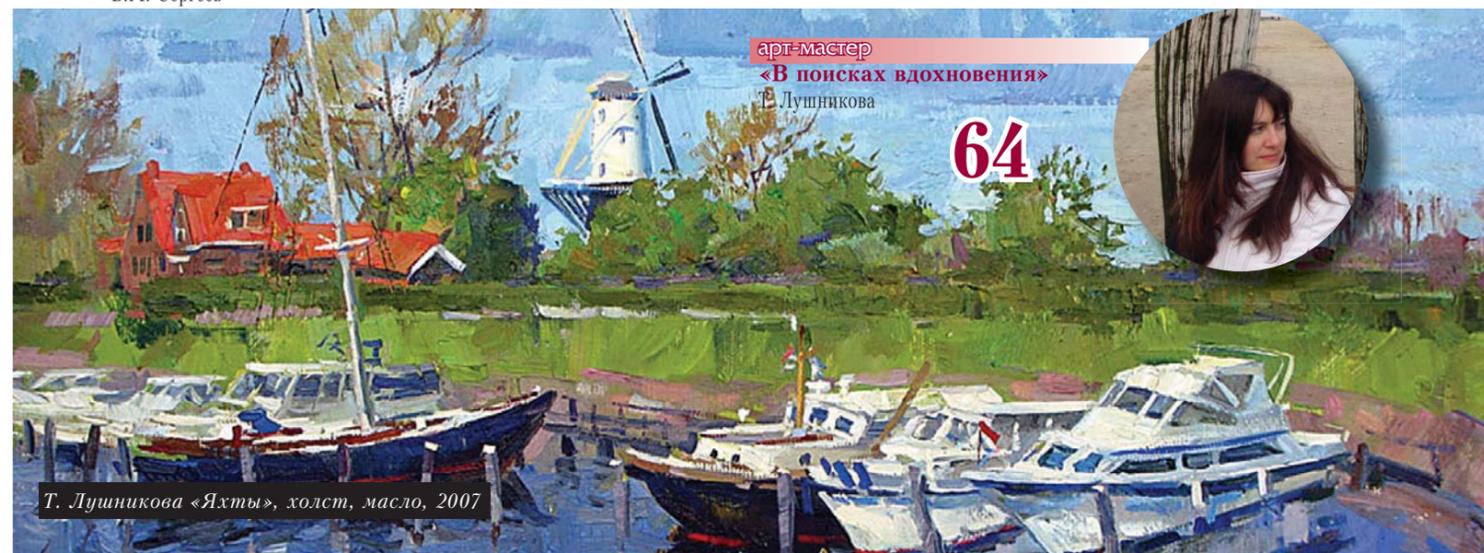
60

палитра
Акварельные сети
О.В. Шаюнова

63

творчество
Дни в Маноле Акварели Шишкиной
О.И. Шишкина В.В. Жаданов

арт-мастер
«В поисках вдохновения»
Т. Лушникова

64

Педагогические **ВЕСТИ**

№38 2009

Журнальное приложение к газете «Педагогические вести»

УЧРЕДИТЕЛЬ: Ученый совет РГПУ им. А.И. Герцена.
Газета зарегистрирована Региональной инспекцией по защите свободы печати и массовой информации 14.07.92 (регистрационное свидетельство №ПОО64)

2 Педагогические **ВЕСТИ**

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

191186, С.-Петербург, наб. р.Мойки, 48, корпус 20а, комната 301.

ТЕЛЕФОН: 571 77 56.

E-MAIL: pedvesty@mail.ru.

ИНТЕРНЕТ: www.herzen.spb.ru.

Номер набран и сверстан в редакции.

Отпечатан в типографии РГПУ им. А.И. Герцена.

Тираж – 1000 экземпляров.

Главный редактор – Наталья МЕЛЬНИК.

Дизайн и верстка – Александры Поповой.

Т. Лушникова «Яхты», холст, масло, 2007

Наше наследие

К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ –
ПОПЕЧИТЕЛЬНИЦЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ДОМА

Г.А. ВОРОБЕЙКОВ,
заведующий кафедрой ботаники;
Е.М. КОЛОСОВА,
директор музея РГПУ им. А.И. Герцена

Императрица Мария Федоровна, супруга Павла I, была яркой, удивительной и одаренной женщиной, воплотившей в себе высокие нравственные качества.

НЕМЕЦКИЕ ПРИНЦЕССЫ

Будущая российская императрица – София-Доротея-Августа-Луиза, принцесса Вюртембергская, племянница короля Пруссии Фридриха II Великого, родилась 14 октября 1759 года в Штеттине, где ее отец находился на военной службе. Отметим, что в этом городе тридцатью годами ранее появилась на свет будущая императрица России Екатерина II Алексеевна (Великая).

Принцесса получила блестящее образование, она изучала философию, историю и даже математику. В ее воспитании заметное участие принял Жак-Жак Руссо, с которым Фредерик-Евгений, отец Софии-Доротеи, находился в дружественных отношениях.

Екатерина II заметила вюртембергскую принцессу в жены своему сыну Павлу. Первая встреча Павла Петровича с невестой произошла в Берлине в 1776 году, где прусский король Фридрих II чувствовал наследника русского престола. Далее была длительная череда событий подго-

товки к венчанию. Предварительно, после принятия православия, София-Доротея взяла новое имя – Мария Федоровна.

25 сентября 1776 года она приняла православие, и на следующий день состоялось ее венчание с великим князем Павлом Петровичем в церкви Зимнего дворца. В ноябре 1796 года, после вступления на престол императора Павла I, Мария Федоровна получила титул императрицы.

В семье Павла Петровича и Марии Федоровны было десять детей: четыре сына и шесть дочерей. Без сомнения, большое количество детей в императорской семье сказалось на политической жизни России. Из сыновей Александр и Николай – будущие российские императоры: Александр I и Николай I, которые более 50 лет возглавляли государство. Дочери стали первыми лицами многих европейских дворов: Австрии (Александра), Прусских королевств (Екатерина, Мария, Елена), Нидерландов (Анна). Образно можно сказать, что если Петр I прорубил «окно в Европу», то благодаря большому количеству принцесс Мария Федоровна интегрировала Россию в Европу.

Мария Федоровна была творческой личностью. Она прекрасно вышивала, рисовала, вырезала из янтаря и слоновой кости. Она искусно работала на токарном станке, любила играть на разных музыкальных инструментах и хорошо пела. В Павловском дворце ею были собраны богатые коллекции произведений живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, гравюр, минералов, ботанических атласов.

Также ею была собрана богатейшая библиотека ценных и редких изданий. Некоторые из них были переданы Воспитательному дому. Следует сказать, что решением Ученого совета

университета №7 от 25 апреля 2002 года Фундаментальной библиотеке РГПУ им. А.И. Герцена, где находятся эти издания, присвоено имя императрицы Марии Федоровны.

После рождения первого сына Александра Екатерина II на радостях подарила молодым родителям земли с угодьями и деревнями, которые получили название села Павловского. В 1788 году Мария Федоровна получила из рук супруга эти земли в собственность и приступила к их преобразованию. Для строительства Павловского дворца и его парка были приглашены талантливейшие архитекторы и художники: Ч. Камерон, В. Бренн, А. Воронихин, К. Росси, Г. Кюгельхен, Э.Л. Виже-Лебрен и др. Результатом этой работы стало появление одной из лучших мировых дворцово-парковых жемчужин.

СОБСТВЕННЫЙ САДИК

Мария Федоровна любила Павловск. Здесь она находила приют отдохновения и особый мир, созданный ее стараниями. Непосредственно под личной эгидой Марии Федоровны в Павловске был построен Розовый павильон, где проходили знаменитые литературно-музыкальные вечера. В них участвовали многие знаменитости: Н. Карамзин, В. Жуковский, Н. Гнедич, И. Крылов, Д. Бортнянский и другие.

В настоящее время, почти ежегодно, обычно в августе, в «Собственном садике» или в «Розовом павильоне» Павловского дворцово-паркового комплекса проводятся международные фестивали цветов, посвященные императрице Марии Федоровне. Они привлекают большое количество ценителей цветов и знатоков составления букетов из многих городов России, Германии, Голландии и других стран.

Императрица Мария Федоровна

В честь императрицы

Любимый цветок императрицы

К цветам у Марии Федоровны было особое отношение. Она была их тонким ценителем и знатоком. Ее любимый «Розовый павильон» был окружен благоухающим розарием. В «Собственном садике» она бывала ежедневно; туда имелся специальный выход из ее покоев. Здесь выращивались многие виды растений. Среди них были редкие, специально доставленные для нее из европейских стран. Цветы окружали Марию Федоровну в течение всей ее жизни.

Постепенно Мария Федоровна все больше начинает интересоваться вопросами воспитания и образования, в дальнейшем не оставляя без своего сердечного внимания многие вопросы женского образования и воспитания детей.

ДЕНЬ УНИВЕРСИТЕТА

2(13) мая 1797 года император Павел I издал указ о передаче под покровительство императрицы Марии Федоровны и придании самостоятельного статуса Петербургскому воспитательному дому, открытому известным просветителем и педагогом И.И. Бецким. В указе говорилось:

«Как по воле Нашей Ея Императорское величество наша любезнейшая Супруга, изъ человеколюбия сроднаго Ей и желая споспешествовать общему добру, приемлетъ на себя главное Начальство надъ Воспитательными домами въ обоихъ Престольныхъ городахъ Нашихъ учрежденныхъ, со всеми принадлежностями къ нимъ заведениями...»

Майя 2, 1797 года, Павелъ Именныи

Именно этот день, 2 мая по старому стилю или 13 мая по новому, Ученым советом РГПУ имени А.И. Герцена был выбран Днем университета. Это день нашего университетского праздника.

По инициативе Марии Федоровны Воспитательный дом переехал с

Большой Миллионной на набережную реки Мойки, во дворец графа К.Г. Разумовского, купленный у него за 300 тысяч рублей. Переезд был обоснован и предопределен лично Марией Федоровной. Прежнее место было тесным, с плохими жилищными и материальными условиями. Дети часто болели и умирали, чем императрица была крайне потрясена. Из 65 тысяч младенцев, поступивших в данное учреждение за 30 лет его существования, в живых осталось только семь тысяч. Дом на Мойке отличался большим комфортом в материальном и духовном аспектах. Сюда были привлечены лучшие воспитатели.

С переездом на набережную Мойки воспитанников дома стали обучать не только ремеслам, но и наукам. Чуть позже, с 1806 года, в Воспитательном доме начали подготовку учителей, наставниц, аптекарей, акушерок и садовников. Воспитанники дома могли продолжать обучение в Медицинской академии и университетах, как России, так и других стран.

Созданные Марией Федоровной педагогические классы были преобразованы в Сиротский женский институт, реорганизованный позже в ЛГПИ-РГПУ им. А.И. Герцена.

НОВАЯ ПОРОДА

Мария Федоровна развивала идеи Иван Ивановича Бецкого о создании системы воспитания «новой породы» людей, которая должна была преобразить Россию. Она была согласна с методами воспитания и требованиями к воспитателям: обучать без принуждения, добросовестным и честным примером, с учетом интересов и способностей ребенка, не применяя телесных наказаний. Неслучайно на карнизах зданий Воспитательного дома установлены лепные украшения

птицы пеликан с птенцами как символ чадолюбия и любви к детям.

Императрица Мария Федоровна в процессе своей многолетней подвижнической деятельности значительно увеличила число женских учебно-воспитательных учреждений. Так, в 1797 году было открыто сиротское училище, преобразованное вскоре в Марининский институт. Училище предназначалось для воспитания дочерей духовных лиц, почетных граждан, купцов и дворян. Открывшиеся в 1797 году девичье отделение Императорского военно-сиротского дома (Павловский институт) давало бесплатное образование дочерям штаб- и обер-офицеров до чина подполковника или капитана 2-го ранга включительно и за плату — дочерям дворян, почетных граждан, лиц духовного звания и купцов. Кроме того, были открыты Сельский воспитательный дом для детей обоего пола, училища Святой Екатерины в Москве и Санкт-Петербурге. Учебные заведения под ее покровительством были открыты и в других городах России. Далее она открыла в Павловске училище для глухонемых детей — первое учебное заведение такого типа в России. С 1810 года оно располагалось в нашем 20-м корпусе. Здесь же, по инициативе императрицы, началась подготовка учителей для училища.

Перечень учебных заведений, состоявших под покровительством Марии Федоровны, выбит на памятной доске в Смольном соборе. Он включает: 1. Воспитательное общество благородных девиц с мещанским училищем. 2. Училище ордена Святой Екатерины. 3. Марининский институт. 4. Девичье училище военно-сиротского дома. 5. Санкт-Петербургский воспитательный дом. 6. Санкт-Петербургское коммерческое училище. 7. Училище глухонемых. 8. Дом призрения сирот. 9. Два училища солдатских дочерей полков лейб-

гвардии. 10. Московское училище Святой Екатерины. 11. Московское александровское училище. 12. Харьковский институт благородных девиц. 13. Московский воспитательный дом. 14. Гатчинский воспитательный дом. 15. Московское коммерческое училище. 16. Училище практических садоводов в Гатчине. 17. Девичье училище черноморских нижних чинов в Николаеве и Севастополе.

Много сил и душевной заботы Мария Федоровна отдала больным, страждущим и убогим. Она являлась покровительницей многих богоугодных заведений, открыла приют для бедных роженец. В 1803 году на средства императрицы были созданы две больницы для бедных, одна — в Петербурге, другая — в Москве. Больницы были названы в честь покровительницы — «Марининскими». На собственные средства она содержала госпиталь Святой Магдалины для инвалидов. Примерно в это же время в Петербурге и Москве были открыты Вдовьи дома, а затем Дома для вдов военных и гражданских чиновников. При ее участии в Петербурге был создан Повивальный институт для снабжения губерний знающими свое дело повивальными бабками, чтобы сохранить здоровье и жизнь новорожденным и роженцам.

Венцом благодеяния Марии Федоровны было создание учебно-воспитательной системы, существующей впоследствии под названием «Ведомство императрицы Марии». Сюда входили все воспитательные учебные заведения, приюты, дома для инвалидов, вдов, сирот и др. Управление ими требовало много времени, сил и средств. Поэтому при ее непосредственном участии было разработано Постановление об опекунских советах.

Члены опекунских советов из лиц «Высокого и знатного круга» назывались почетными опекунами. В Постановлении особо подчеркивалось, что благотворительная деятельность почетных опекунов совершается «без всякого вознаграждения, из любви к Отечеству и человечеству».

ПРИНЦИП БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

По традиции, дела благотворительности, начатые Марией Федоровной, передавались следующим императрицам. В 1828 году, в память о ее деятельности в области женского образования, был учрежден знак отличия женщин «За беспорочную службу».

Особо следует отметить, что основные благодеяния Мария Федоровна совершала после страшной кончины своего мужа, императора Павла I, которая произошла 11 марта

1801 года. Ей стоило больших духовных и физических сил перенести гибель любимого человека. Тем не менее, трудности не сломили Марию Федоровну, не очерстили ее сердце и душу. Она не утратила своей доброты, не ушла в монастырь, а осталась вдовствующей императрицей, творя благодеяния. Она пережила Павла I на 27 лет.

Вдовствующая императрица по личному распоряжению ее сына, императора Александра I, получала на собственное содержание 1 млн рублей в год, но тратила на себя всего 17 тысяч. Все прочее шло на благотворительность, особенно на содержание своих богоугодных заведений. Вся вторая половина жизни Марии Федоровны была посвящена благотворительности. По этому поводу она говорила так: «Благодарительность только тогда может принести истинную пользу, когда проистекает из сердца, исполненного любви».

Мария Федоровна скончалась 24 октября 1828 года в возрасте 69 лет в Зимнем дворце. Николай I объявил о смерти матери-императрицы:

«24 октября, в два часа пополудни, положила конец ея драгоценной жизни, коей все минуты были посвящены добродетелям ... Да успокоит Господь на Лоне Своем Ея кроткую душу, бывшую вместилищем всех нежных чувств и добродетелей ...»

Известный поэт, Василий Андреевич Жуковский, долгие годы служивший императрице, в своем стихотворном слове «Чувства перед гробом государыни Марии Федоровны в ночи накануне погребения тела Ее Величества» писал так:

*И мать милую свою
В тебе могли уступая,
В минуту скорбную сию
В единый плач слиясь сердцами,
Все пред тобой говорим:
Благодарим! Благодарим!
И некогда потомки с нами
Все повторят — благодарим!*

Императрица Мария Федоровна — образец духовности, самопожертвования, любви ко всем страждущим. Она является высочайшим образцом нравственной красоты и доброты. В завещании Марии Федоровны отражены все ее высокие нравственные качества. Приводим небольшой отрывок из этого исторического документа:

«Благодарю всех тех господ, которые находились под моим начальством, как в Петербурге, так и в Москве, за оказанные ими усердие и ревность. Они, конечно, всегда будут приводить себе на память, что Я столь часто повторяла, что мы должны быть единственно одушевлены желанием исполнять наши обязанности во всех отношениях,

соблюдая точный и непременный ход, предписанный нашими уставами, имея попечение о сохранении привилегий Дома, соединяя все наши старания к сохранению детей и возбуждению, по мере возможности, чувств материнских, к подаванию помощи вдове и сироте, облегчению страждущей нищеты; тогда только мы будем оказывать истинную любовь к ближнему, по Великому примеру, данному нам Спасителем; тогда только мы постигнем истинный смысл правил, на коих сие заведение основано. Дом основан на благодеяниях; тогда также никакой труд не будет для нас обременительным, тем не менее, не будет нам казаться унижительным».

В отечественной истории сохранилось много глубоких высказываний о подвижнической деятельности императрицы. Так, «Вестник благотворительности» (1870) писал:

«В ряду русских деятелей, отличившихся на поприще истинно гуманной и разумной благотворительности, первое место принадлежит, бесспорно, императрице Марии Федоровне. Проникнутая сознанием своего высокого призвания, она посвящала добровольно принятым на себя обязательствам все свое время, силы и энергию. Ее душа и воля были постоянно устремлены только к одному — к добру. Она призрела, вскормила, вспоила и воспитала сотни тысяч ее граждан, жизнь которых без материнской заботливости императрицы Марии Федоровны была бы цепью несчастий и крайней безвыходной бедности».

А.С. Пушкин в журнале «Современник» посвятил Марии Федоровне статью, в которой сказано: «Если бы возможно было собрать в одно целое разнообразные черты умиленно-трогательной ее попечительности о каждом лице, которое состояло в каком нибудь к ней отношении, то эта картина человеколюбия, благодати и мудрости была бы орошаема сладкими слезами всего человечества».

Другой знаменитый наш соотечественник, писатель и автор «Истории государства Российского» Н.М. Карамзин, характеризуя деятельность императрицы, отмечал: «Удивительная женщина! Может быть, потомство отдаст ей справедливость громогласнее, нежели мы, ветреные, невнимательные современники».

Мы, потомки, находясь в том завещании и на том месте, где наиболее ярко протекала благотворительная, подвижническая деятельность Марии Федоровны, вслед за Жуковским говорим:

**Благодарим!
Благодарим!**

БЛОКАДНЫЙ ЛЕНИНГРАД: ДОЖИТЬ ДО ВЕСНЫ

К 65-ЛЕТИЮ СНЯТИЯ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

Ю.К. БАХТИН,
доцент кафедры медико-валеологических дисциплин, кандидат медицинских наук

Предлагаемые читателю материалы почерпнуты из книги военного врача, генерал-майора медицинской службы Алексея Васильевича Смольникова «Врач на войне», выпущенной «Лениздатом» в далёком уже 1972 году.

В книге повествуется о самоотверженном труде военных медиков во время Великой Отечественной войны, о тяжёлых днях блокады Ленинграда. Книга содержит неповторимые свидетельства очевидца и непосредственного участника событий военного лихолетья, изложенные видным организатором военно-морской медицины.

А.В. Смольников с самого начала Великой Отечественной войны принимал участие в медицинском обеспечении боевых операций военно-морского флота на Балтике, в защите Ленинграда, а с мая 1943 года возглавлял медицинскую службу Краснознамённого Балтийского флота.

Наше внимание привлекло описанное автором книги особое, необычное течение многих заболеваний среди жителей и защитников блокадного Ленинграда, не наблюдавшееся в иных условиях. Представляет интерес описание особенностей ратного труда военных медиков и работников санитарно-противоэпидемической службы, не допустившей распространения в блокированном городе эпидемий инфекционных болезней. И хотя подобные описания можно найти

и в других изданиях, эта книга привлекает своей яркостью и выразительностью наряду с взвешенной трезвостью оценок и суждений автора; в то же время в медицинских вопросах она отражает традиционную клиническую наблюдательность российского врача.

КОНТРАСТЫ

Начало войны застало автора книги на преподавательской работе в Военно-морской медицинской академии. Уже в сентябре сорок первого года война вплотную подошла к Ленинграду. Навсегда запомнились необычайные контрасты первых дней. На удивление мирной казалась природа. Не по-осеннему ярким, тёплым и приветливым было солнце. Ни ветра, ни дождя. Небо голубое — даже не голубое, а скорее синее. Адмиралтейскую иглу уже закрыли серым брезентовым чехлом. Тусклым стал шпиль Петропавловской крепости, покрытый серой краской. Над Смольным повисла густая маскировочная сеть. Ещё работали театры и кино, но на стенах домов уже появились указатели бомбоубежищ. На газонах и клумбах празднично яркими выглядели осенние цветы:

георгины, астры, хризантемы, но сквозь густую листву деревьев уже виднелись длинные стволы зениток. В небе неподвижно висели серые аэростаты воздушного заражения.

В первые месяцы войны Ленинград казался даже более многолюдным, чем в довоенное время. Да так оно и было в действительности: в город непрерывно прибывали беженцы из Прибалтики, Карелии, из городов и посёлков прилегающих областей. Эвакуация из Ленинграда при этом была явно недостаточной и касалась главным образом детей. Да и уверенности в том, что из Ленинграда обязательно нужно эвакуироваться, тоже не было.

БЛОКАДНЫЙ ГОРОД

8 сентября войска противника перерезали последнюю сухопутную дорогу, связывавшую город со всей страной. С этого дня началась блокада Ленинграда. Окружив город, гитлеровцы сначала пытались захватить его штурмом. Однако наши войска, оборонявшие Ленинград, остановили противника. Немцы были вынуждены отказаться от штурма, и они перешли к осаде города.

Сентябрь 1941 года был месяцем непрерывных обстрелов, бомбёжек и тревог. Каждый день начинался воем сирен воздушной тревоги, слышались залпы зениток, раздавался грохот рвущихся бомб и снарядов. За день бывало по 10-12 налётов вражеской авиации. Часто по ночам гитлеровцы затевали воздушные психические атаки. Над притихшим городом неслись то чуть слышные, урчащие, то громкие, воющие звуки. Один самолёт сменял другой — и так всю ночь напролёт. И эти, идущие откуда-то сверху, ночные звуки действовали на психику людей сильнее, чем разрывы бомб и снарядов. Привычка спать под них пришла уже позднее. Редкая ночь обходилась без пожаров. В течение сентября действия вражеской авиации вызвали в городе сотни очагов поражения с большим числом жертв.

Туда срочно прибывали машины скорой помощи, медико-санитарные команды местной противовоздушной обороны (МПВО) и санитарные дружины Красного Креста. Ликвидация тяжёлых последствий бомбёжек и обстрелов иногда продолжалась в течение нескольких дней. Так было и 21 сентября 1941 года, когда фашисты разбомбили Гостиный двор. Освободить некоторых людей из-под завалов удалось лишь на третий день. Пища и лекарства передавались пострадавшим через узкий проём. У завала круглосуточно дежурили врачи, медицинские сёстры и сандружинницы. А всего за два дня до этого фашисты, не считаясь с международными договорами и конвенциями о защите раненых и больных, нанесли массированный удар по госпиталям и другим лечебным учреждениям города.

В этот день на них сбрасывались фугасные и зажигательные бомбы. Одновременно их обстреливали и из дальнбойных орудий. Пострадало много больниц, в том числе Куйбышевская, Александровская, Нейрохирургический институт. Был уничтожен большой эвакогоспиталь. Старейший военно-морской госпиталь на проспекте Газа подвергся нападению с воздуха и яростному артиллерийскому обстрелу. На территории военного госпиталя на Суворовском проспекте упало много зажигательных бомб. Вспыхнувший пожар потушили молодые бойцы комсомольского противопожарного полка. Этот полк, состоявший из юношей и девушек, спас от огня многие лечебные учреждения. На одну из детских больниц, где находилось более 300 детей, упало около сотни зажигательных бомб. Молодые по-

жарники быстро справились с огнём и спасли детей.

Массированный удар фашистской авиации и артиллерии по больницам и госпиталям Ленинграда вовсе не был случайным. Через месяц, 17 октября, налёт на лечебные учреждения города повторился вновь. В этот день тяжело пострадали семь эвакогоспиталей. Особенно жестокими, варварскими были прицельные бомбардировки и обстрелы Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова. Много жертв среди мирного населения вызывали систематические артобстрелы и жилых кварталов города. Конечно, война без жертв не бывает. Но это преднамеренное убийство беззащитных людей поразило своей масштабностью, бессмысленностью и жестокостью.

СПУТНИКИ ВОЙНЫ

Дистрофия — болезнь не новая. Она была известна давно под разными названиями — как спутник войн, стихийных бедствий, как социально обусловленная болезнь в нездоровом обществе. В военно-морские госпитали больные дистрофией стали поступать уже в конце ноября 1941 года. Неожиданным оказалось, что молодые врачи совсем не знакомы с этой болезнью: алиментарная дистрофия в Советском Союзе в предвоенные годы уже не встречалась. Социальные преобразования в нашей стране в годы первых пятилеток полностью устранили причины появления этой болезни.

Для научного и практического изучения алиментарной дистрофии в конце 1941 года был выделен один из морских госпиталей, где концентрировались такие больные. Возглавил работу по изучению дистрофии профессор Г.А. Смагин.

Однако вскоре и другие госпитали оказались переполненными такими больными. Рост дистрофии к концу 1941 года принял угрожающие размеры. Болели сотни тысяч человек.

Женщины оказались более стойкими и начали заболеть позднее. Выздоровливали же они гораздо быстрее мужчин. У людей среднего и пожилого возраста наблюдалась преимущественно отёчная форма заболевания, в то время как у молодых людей чаще развивалась сухая форма дистрофии, при которой не было отёков. Особенно бурно болезнь прогрессировала у лиц, имевших непривычно большую физическую нагрузку. Был случай, когда массовая вспышка произошла у слушателей

курсов переподготовки офицеров запаса после похода на лыжах без предварительной тренировки.

В палате одного из госпиталей автор встретил знакомого инженера-механика. До заболевания это был крепкий, активный, сравнительно молодой человек. Теперь его трудно было узнать. Черты его лица резко обострились. Кожа стала землисто-серого цвета и была изрезана глубокими морщинами. Он вяло, неохотно отвечал на вопросы и не проявлял никакого интереса к происходящим вокруг событиям. У него было полное безразличие к еде, полностью отсутствовал аппетит. Как же могло случиться, что здоровый, энергичный и сильный человек, получающий военный паёк, дошёл до такой степени истощения? Оказалось, что семьи многих офицеров не успели эвакуироваться из Ленинграда. Некоторые из них вообще не хотели покидать свой родной город. Рядом был фронт, где воюют их близкие, родные им люди. Когда же в Ленинграде наступил голод, офицеры стали помогать семьям, отдавая им значительную часть своего пайка.

Лечение больных дистрофией в условиях блокады было делом крайне сложным. Для этого требовалось полноценное питание, было необходимо тепло, а также физический и нервно-психический покой. Но госпитальный паёк был значительно урезан, а набор продуктов ограничен до крайности. Отопление не работало, в палатах было очень холодно. О физическом и психическом покое не приходилось и думать. Воздушные тревоги следовали одна за другой, и на территории госпиталей часто рвались снаряды и бомбы. У истощённых людей спуск

Фотом www.yandex.ru

в подвальные убежища и подъём обратно отнимали много сил. Врачи и медсёстры, сами едва передвигаясь от голода, самоотверженно боролись за жизнь каждого человека.

И всё же не бомбы и снаряды, а дистрофия стала главной опасностью для осаждённого города. Она парализовала волю человека. Она вызывала настроение обречённости. Люди перестали реагировать на бомбардировки. Многие тысячи больных людей оставались в своих квартирах без ухода, без человеческого участия и медицинской помощи. Старались спасать в первую очередь их — людей, оторвавшихся от общей жизни. В одиночестве они были обречены на гибель. Однако спасать их было очень трудно. Самого главного, хлеба — город имел очень мало. Требовалось, чтобы это немного дошло до людей, уже не способных обслужить себя самим. Не менее важно было поддержать в них уже угасавшую веру в своё спасение.

Больницы были переполнены больными и ранеными. Врачей не хватало. Большинство из них были призваны в действующую армию. На помощь пришли комсомольцы Ленинграда. В каждом районе города создавались комсомольские бытовые отряды. В их состав входили преимущественно девушки. Они получали для обессилевших людей

продукты по карточкам, приносили воду, топили печки, поддерживали людей своей заботой и вниманием. Общество Красного Креста направляло для ухода за больными своих дружинниц. Только за первые три месяца 1942 года дружинницы Красного Креста обслужили 40 тысяч квартир с нуждающимися в помощи людьми. Райкомы партии посылали тысячи своих активистов. Они несли обессилевшим, больным людям человеческое участие и поддержку, вселяли в них веру в неминуемый разгром фашистов, в скорое снятие блокады и в нашу решительную победу в этой жестокой войне с немецко-фашистскими захватчиками.

Медицинская помощь гражданскому населению Ленинграда в основном оказывалась силами и средствами медико-санитарной службы местной противовоздушной обороны (МПВО). Первоначально роль этой службы ограничивалась работой непосредственно в очагах поражения. Но когда в блокированном городе начался голод и сотни тысяч людей слегли, сражённые дистрофией, масштаб работы медико-санитарной службы МПВО значительно расширился. На неё было возложено медицинское обслуживание голодающих. Медицинские команды МПВО, санитарные дружины и посты Красного Креста — все они выполняли большой объём работы

по выявлению в квартирах и на улицах беспомощных истощённых людей, по оказанию им необходимой помощи, по доставке их в больницы и учреждения.

Однако от воздушных налётов и артиллерийских обстрелов за первые месяцы блокады пострадала почти половина лечебных учреждений города. Возникший острый дефицит больничного коечного фонда вынудил искать резервы повсюду, где только возможно. Несколько тысяч коек, например, удалось вернуть в специально созданных санитарных комнатах при домоуправлениях. Обслуживались они силами Красного Креста. Санитарные комнаты являлись коллекторами, куда доставлялись больные, подобранные на улицах и обнаруженные в опустевших квартирах. Для их размещения были организованы также специальные стационары и при поликлиниках — так называемые «осадочники».

ПРЕВРАЩЕНИЯ БОЛЕЗНЕЙ

Заболевания в Ленинграде во время блокады претерпели ряд неожиданных изменений и превращений. И на этом следует остановиться особо. В первую блокадную зиму

большинство обычных заболеваний внутренних органов почти совсем исчезли или же протекали в какой-то неузнаваемой, необычной форме. По-видимому, в истощённом блокадными условиями организме человека было недостаточно возможностей для развития некоторых бактерий и вирусов. Исчезли такие заболевания, как ревматизм, бронхиальная астма, грудная жаба и сахарный диабет. Редкими стали болезни почек, печени и гастриты. Не стало заболеваний ангиной. Воспаление лёгких протекало без подъёма температуры, без повышения числа лейкоцитов в крови. Население города перестало болеть скарлатиной, корью, свинкой и краснухой. Редко встречались большие язвенной болезнью и случаи аппендицита. В хирургических отделениях не стало больных с раковыми опухолями. Резко сократились воспалительные и нагноительные процессы. Люди пили некипячёную воду, взятую из загрязнённых рек и каналов — Фонтанки, Мойки, Пряжки, Карповки и других, но брюшным тифом не болели. И хотя увеличилась заболеваемость дизентерией, но протекала она без характерных симптомов.

Многие физиологические показатели у обследуемых людей приобретали необычный характер. Так, температура тела у большинства людей постоянно была пониженной, иногда даже до 35,0 градусов Цельсия. Пульс нередко был замедленным — до 40 ударов в минуту, даже у молодых людей. Артериальное кровяное давление почти у всех, в том числе и у бывших гипертоников, было снижено.

Такой симптоматики и такой картины заболеваемости, а также подобных особенностей в протекании заболеваний нигде, кроме Ленинграда, не наблюдалось. Всё это породило голод, холод и предельное нервное напряжение.

Весной, вместе с яркими солнечными лучами, в Ленинград пришла пеллагра — болезнь, не наблюдавшаяся в нашем городе ранее. Она появляется, когда в организме возникает дефицит некоторых витаминов и аминокислот, в первую очередь — недостаток никотиновой кислоты и триптофана.

Пеллагрой болели преимущественно девушки, недавно перенесшие голод. На открытых частях тела вначале появлялись как бы пятна загара, а затем кожа на этих участках становилась шершавой и тёмной — темнее окружающей. По большей части поражалась только кожа, значительно меньше — кишечник и нервная система. Тяжёлых, остро

протекающих случаев пеллагры не наблюдалось. Может быть, этому помогло то, что в самый голодный период блокады в столовых выдавались дрожжевые супы и соевое молоко, содержащие вещества, препятствующие развитию заболевания. Однако вместе с пеллагрой пришла и цинга, протекавшая значительно тяжелее. Появился и активный туберкулёз, сразу же принявший злокачественные формы.

СПАСИТЕЛЬНАЯ РАДОСТЬ

Всё лето 1942 года — день и ночь, сплошным потоком, через Ладогу в Ленинград шли суда с хлебом, продовольствием и боеприпасами для защитников города и его жителей. Вся страна помогала ленинградцам.

Лето 1942 года изменило весь облик Ленинграда. Улучшение питания и солнечное тепло сделали неузнаваемыми вчерашних дистрофиков. На лицах появились улыбки, всё чаще раздавался смех. Особенно быстро в городе стали поправляться девушки и молодые женщины.

За время блокады гражданское население Ленинграда стало преимущественно женским. Женщин в городе стало вдвое больше, чем мужчин. Они по-хозяйски чистили и приводили в порядок город, отмывали его от грязи первой блокадной зимы. Это были женщины-бойцы. Они боролись с зажигалками, тушили пожары, спасали людей, вытаскивая их из-под развалин, несли охрану города. Внешний облик их стал мужественным, решительным. В полувоенной одежде они выглядели подтянутыми, всегда готовыми к действию. На заводах и фабриках, на транспорте они успешно заменяли мужчин. Женщины подняли Ленинград на огородничество. Это они обеспечивали город топливом и готовили его ко второй блокадной зиме.

Дистрофия безвозвратно уходила в прошлое, но ей на смену пришло новое массовое заболевание. Все ленинградцы — от мала и до велика — жили и работали в состоянии непрерывного психического перенапряжения. И это не могло пройти бесследно, особенно для людей, только что перенесших дистрофию. Постоянное перенапряжение центральной нервной системы и психические травмы неизбежно вели к расстройству нервного аппарата, регулирующего кровообращение. Вследствие этого стойко повышался тонус кровеносных сосудов, повы-

шалось кровяное давление. Развивалась гипертоническая болезнь, распространение которой среди населения города приняло массовый характер.

До войны гипертонию считали признаком осени человеческой жизни. Во время блокады гипертоническая болезнь стала поражать людей всех возрастов. Заболевали ею в одинаковой степени как мужчины, так и женщины. Нередкими бывали случаи, когда эта болезнь обнаруживалась совершенно неожиданно. Так, например, у молодого врача, который чувствовал себя хорошо, разговаривал, смеялся, вдруг наступила потеря зрения. При обследовании у него была обнаружена высокая гипертония с кровоизлиянием в глазное дно. В другом случае, ни на что до этого не жаловавшийся молодой матрос во время ужина внезапно потерял сознание. В госпитале, куда он был срочно доставлен, обнаружили гипертоническую болезнь и острое нарушение мозгового кровообращения (инсульт).

Наибольшего распространения среди населения блокадного Ленинграда гипертоническая болезнь достигла в декабре 1943 года. При этом было отмечено, что выезд из блокированного Ленинграда благотворно влиял на больных гипертонией (по крайней мере, на ближайшее время). Радостные известия также весьма способствовали успешному лечению людей с повышенным кровяным давлением. Так, врачи морского госпиталя уже на второй день после снятия блокады наблюдали у гипертоников снижение артериального кровяного давления на 20-30 мм ртутного столба.

Однако следует заметить, что гипертоническая болезнь принадлежит к числу тех военных последствий, которые, к сожалению, оказались наиболее трудно устранимыми. Гипертония на многие годы вперёд наложила свой неизгладимый отпечаток на жизнь и здоровье всего поколения людей, перенесших войну, в особенности войну и блокаду. И в то же время нельзя не отметить, что многие миллионы больных гипертонической болезнью в воевавших странах являлись печальным итогом Второй мировой войны, что находит своё отражение и на здоровье последующих поколений, в частности — детей и внуков участников войны, защитников, тружеников и жителей блокированного Ленинграда.

Возобновление исчезнувших было во время блокады заболеваний происходило постепенно, однако при этом некоторые из них,

Фото www.yandex.ru

например, язвенная болезнь, стали наблюдаться даже гораздо чаще и проявлялись острее, чем в довоенное время. Следы же перенесенной блокадной патологии в той или иной форме сохранялись ещё долго и после 1945 года.

Стойкостью и мужеством защитников Ленинграда гордились все советские люди. Вся страна поддерживала своих героев-ленинградцев, не жалея сил и возможностей для снабжения города и его защитников всем необходимым. Самоотверженность и героизм ленинградцев были проявлением воли к победе всего советского народа в Великой Отечественной войне с немецко-фашистскими захватчиками. Организованность, стойкость и сплочённость защитников Ленинграда производили особое

впечатление и на иностранных военных специалистов.

Как писал в своей книге А.В. Смольников: «Мне неоднократно приходилось встречаться с немецкими врачами — участниками осады Ленинграда. Это были пленные, достаточно ошарашенные неожиданным финалом на берегах Невы. Помню высокого, беловолосого врача-бактериолога. Он был нацистом и откровенно рассказывал о настроениях во врачебных кругах армий, осаждавших Ленинград. «В начале блокады мы были оптимистами, — говорил он. — Мы были уверены, что половина населения Ленинграда вымрет от эпидемий, а вторую добьют бомбы, снаряды, холод и голод. Мы очень надеялись на сыпной тиф и на кишечные инфекции. Но наше настроение стало меняться с лета

1942 года. Блокада себя не оправдала. Эпидемий в городе не было, а голод закончился. Тогда у нас снова стали говорить о штурме. Прибыл из Крыма фельдмаршал Майнштейн со своей армией. Однако ему под Ленинградом не повезло. А нам опять предстояла новая, страшная уже для нас зима. Нам становилось хуже, чем находящимся в осаде русским...»

Эпидемиологическое благополучие блокированного Ленинграда поражаало не только немецких врачей. В 1943 году на Балтику в качестве гостя приехал представитель медицинской службы Военно-морского флота США... Гостя больше всего поразило вид Ленинграда — чистого, вымытого, живущего своей жизнью. Его удивили и работающие в городе театры и кино, и жизнерадостный вид самих ленинградцев. Но больше всего он был поражён отсутствием в блокированном городе, с его многочисленным населением, каких-либо эпидемий. Это противоречило сложившимся столетиями в мире представлениям о неизбежности опустошительных эпидемий в осаждённых городах. Иностранцам трудно было понять — в чём же состоит причина исключительности Ленинграда?»

ВЫИГРАННЫЕ СРАЖЕНИЯ

Во время блокады одной из основных задач эпидемиологов было предотвращение доступа инфекций в Ленинград, а также предупреждение возможности их выноса из осаждённого города по путям эвакуации населения. Эти задачи были успешно решены совместными усилиями противоэпидемических служб армии, флота и органов управления службами здравоохранения Ленинграда.

Ладожское озеро было превращено в мощный противоэпидемический барьер. На его берегах были организованы и активно работали санитарно-контрольные пункты, санпропускники, изоляторы, инфекционные госпитали, банно-прачечные отряды, санитарно-эпидемиологические лаборатории, эвакуационные пункты. Можно, пожалуй, сказать, что ни в одном из звеньев медицинской службы города-фронта не было столь ярко выраженного чёткого взаимодействия, как в работе эпидемиологических служб армии, флота и Ленинградского горздравотдела. Возглавляли эту особо ответственную и крайне сложную работу начальник противоэпидемического отдела Ленинградского фронта,

генерал-майор Д.С. Скрынников и главный эпидемиолог фронта, профессор С.В. Висковский. Противоэпидемическую службу Краснознамённого Балтийского флота возглавлял сначала профессор М.Б. Орлов, а затем полковник медицинской службы А.А. Куклинов. Главным эпидемиологом Балтийского флота был профессор В.И. Иоффе. Эти руководители проделали огромную работу, создав хорошо организованную, стройную систему противоэпидемической защиты города, фронта и флота.

В начальный период войны Балтийский флот оказался в чрезвычайно сложной эпидемиологической обстановке. Вдоль побережья, через военно-морские базы из оккупированных районов в Ленинград направлялись потоки мирного населения. К военно-морским базам стягивались и отступавшие под натиском врага части Красной армии. Одновременно происходил массовый призыв моряков из запаса. Перед медицинской службой стояла задача не допустить заноса и распространения инфекций. Надо было обезопасить и корабли, действующие в море и на берегу — единения и части морской пехоты и авиации. С первого дня войны в основу всей противоэпидемической работы был положен профилактический принцип. Балтийский флотский экипаж и экипажи в морских базах служили основными барьерами, препятствовавшими проникновению инфекции на флот. В Ленинграде и в Кронштадте были развёрнуты мощные инфекционные госпитали, руководимые опытными специалистами — П.И. Стреловым и В.Н. Крыловым.

Санитарно-эпидемиологическая лаборатория Краснознамённого Балтийского флота, руководимая сначала Г.И. Лебедько, а с 1943 года — Н.И. Славниным, стала подлинным штабом по организации противоэпидемической защиты флота. В этой лаборатории служили специалисты самой высокой квалификации — эпидемиологи, гигиенисты, микробиологи, химики. Лаборатория хорошо помогала и врачам-лечебникам. Так, бактериолог Н.И. Славнин организовал в лаборатории производство биологического препарата, применение которого значительно сокращало сроки заживления ран, особенно у больных дистрофией. В Кронштадтской санитарно-эпидемиологической лаборатории, руководимой В.Е. Черновым, активно работал отдел профилактики особо опасных инфекций. С началом войны в Кронштадт из всех портов При-

балтики стали прибывать торговые и рыболовные суда, часть из которых шли из заграничных плаваний и не подвергались в сложившейся обстановке тщательному карантинному досмотру. На этих судах были обнаружены крысы, поэтому была проведена тщательная дератизация, чтобы не допустить заноса чумы, туляремии, лептоспирозов и других опасных инфекций, распространяемых этими грызунами, особенно если они завезены из жарких стран. Кронштадтская санитарно-эпидемиологическая лаборатория стала надёжным барьером на пути возможного завоза особо опасных инфекций.

Однако самая тяжёлая эпидемиологическая обстановка в блокированном Ленинграде сложилась в период с декабря 1941 года по март 1942-го, когда перестали работать водопровод и канализация, отопление зданий, прекратилось электроснабжение города, погас электрический свет. Для жителей огромного города это было настоящей катастрофой.

Голод и холод изматывали силы ленинградцев. Голод умножался на холод, на обстрелы, бомбёжки, пожары, на потери родных и близких людей.

А каково было работать в таких условиях на оборонных предприятиях, в больницах, в госпиталях, в детских учреждениях. Было невыносимо тяжело и трудно. Теперь это невозможно даже представить.

Однако — работали и воевали, Сражались, боролись — и на смерть стояли. И всё же — держались. Страдали, любили, Теряли друзей и родных хоронили, Но всё-таки — выстояли и победили!

Проведение любых противоэпидемических мероприятий в тяжелейших условиях первого полугодия блокады Ленинграда было делом невероятно трудным. Вся предназначенная для этого специальная санитарная техника и аппаратура без электричества и нефтепродуктов — были обречены на бездействие. Поэтому приходилось использовать простейшие обмывочные установки и дезинсекторы. В частях и соединениях армии и флота широкое применение нашли бани упрощённой конструкции. Несколько образцов простейших, но удобных в применении дезинсекторов разработали специалисты Санитарно-эпидемиологической лаборатории

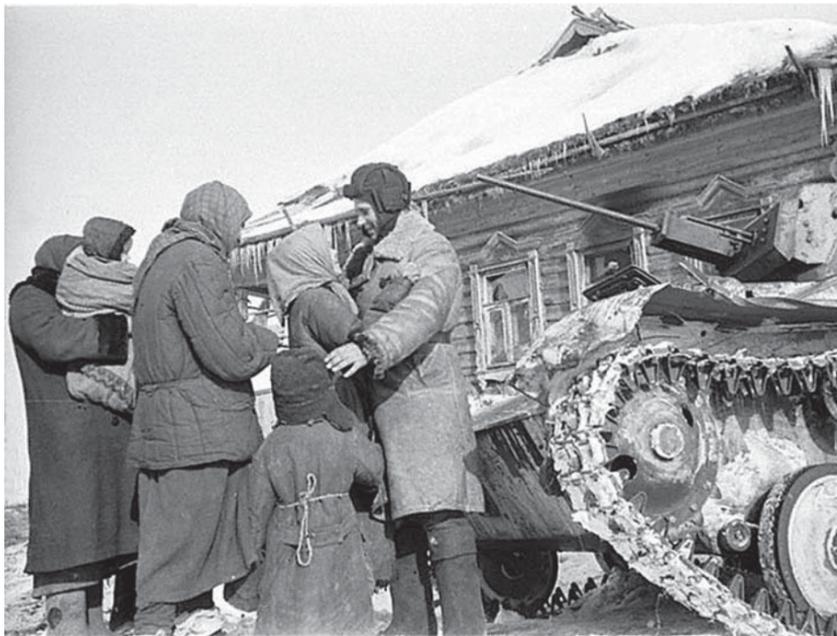

Фото www.yandex.ru

флота. Неоценимую роль сыграл разработанный специалистами-химиками антипаразитарный препарат «К», предназначенный для борьбы с завшивленностью. Этим препаратом пропитывалось бельё военнослужащих, подвергалась обработке одежда гражданского населения. Широко применялось также и специальное мыло «К», которое использовалось при санитарной обработке людей, а также при дезинфекционной обработке их белья, одежды и вещей.

Упорная, настойчивая работа по профилактике эпидемических заболеваний приносила свои плоды. В самый критический период блокады в городе не было эпидемий сыпного и брюшного тифа, как это неминуемо должно было произойти и как ожидали фашистские стратеги.

Большую роль в борьбе с инфекциями играла и крупнейшая в городе инфекционная больница Ленгорздравоотдела — инфекционная больница имени С.П. Боткина. Возглавляла ее в период блокады Галина Львовна Ерусалимчик — великолепный врач-инфекционист и умелый организатор работы объекта здравоохранения в особо сложных условиях. Вместе с находившимся на её территории отделом камерной дезинфекции и расположенными рядом санпропускником и изолятором больница ни на один день не прекращала своей деятельности — даже в самый тяжёлый период блокады. Когда в феврале 1942 года в больницу на лечение привезли более двадцати истощённых детей, эвакуированных из оккупированных районов области, все они оказались завшивленными и больными сыпным тифом (как это выяснилось впоследствии). Из застрявшего в

сугробе автобуса персонал больницы на руках переносил детей в отделение. В результате самоотверженной работы врачей, среднего и младшего медицинского персонала вспышка сыпного тифа была локализована (всего в больнице было выявлено 70 случаев заболевания) и вскоре ликвидирована.

Было сделано всё для того, чтобы не допустить распространения заболеваемости в городе. Эта победа была достигнута ценой жизни 16 сотрудников больницы, умерших от сыпного тифа. И эта маленькая победа — лишь один из множества примеров самоотверженности ленинградцев, вставших на защиту своего города, вставших на борьбу за освобождение нашей Родины от немецко-фашистских захватчиков — от вероломного и жестокого врага.

В оздоровлении блокадного Ленинграда и приведении города в надлежащее санитарное состояние решающую роль сыграла также очистка города весной 1942 года. За первую блокадную зиму город был сильно загрязнён, что создавало вполне реальную угрозу весенней вспышки эпидемических болезней. В апреле-мае 1942 года более трехсот тысяч ленинградцев приняли участие в уборке дворов, улиц, общежитий, квартир. На грузовых трамваях и на автомашинах были вывезены многие тысячи тонн нечистот, мусора, грязного льда и снега. В первую очередь были собраны, вывезены и захоронены многочисленные трупы людей. В городе была наведена необходимая санитарная чистота и порядок, насколько это было возможно в условиях войны и блокады. И это было выигранное сражение на эпидемиологическом, противоэпидемическом фронте.

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ

Главное — ЖИЗНЕННЫЕ ЦЕННОСТИ

Антон ДЕРКАЧ,
корреспондент «ПВ»

Празднуемые в 2009 году 175-летие со дня рождения Дмитрия Ивановича Менделеева и 140-летие открытия им Периодического закона — даты, отмеченные в документах ЮНЕСКО, что еще раз подчеркивает многогранность целей и задач этой организации. В Герценовском университете успешно работает кафедра ЮНЕСКО, ее возглавляет ректор РГПУ им. А.И. Герцена, академик РАО Геннадий Алексеевич Бордовский. С ним мы говорим о Менделееве и о том, нашла ли упомянутая дата отражение в деятельности нашей кафедры ЮНЕСКО.

— **Геннадий Алексеевич, действительно ли 175-летие Менделеева выпало из поля зрения кафедры ЮНЕСКО?**

— Да, эти даты практически не были отражены в работе кафедры. Но это легко объяснить. Основная задача кафедры ЮНЕСКО связана с образованием в поликультурном обществе. И проблема поликультурной среды нас полностью захватила, потому что мы в ней живем. Петербург — мегаполис, где осуществляется взаимодействие самых разных культур. И это с учетом глобализации, проникновения других образовательных систем, других взглядов на ценность образования. Эти проблемы сейчас нас захватили гораздо более сильно, чем юбилей Менделеева.

— **Сейчас на Западе отмечается новый виток внимания к Менделееву и его наследию. С чем бы Вы это связали?**

— Запад много чего открывает заново, это бывает: они сначала что-то отбрасывают, а потом на-

ходят. Просто я не думаю, что, как и на Западе, так и у нас, Менделеев забыт. Его работами у нас никогда не пренебрегали.

— **Что в Менделееве актуально сегодня?**

— Для нас Менделеев — прежде всего педагог, после химика, конечно. Он всегда оставался в поле нашего зрения, и влияние его работ и идей на формирование мировоззрения и вузовского преподавателя, и школьного учителя очень велико. Но на самом деле его идеи находятся в практике нашей жизни.

— **Какие основные педагогические взгляды Менделеева нашли отражение в практике?**

— Например, требование Менделеева о сосуществовании науки с педагогикой — оно очевидно для нас, как и указанная им ориента-

Фото А. ДЕРКАЧ

ция в обучении на жизненные ценности. Многие вещи, связанные с идеями Менделеева, в отличие, кстати, от Запада, вошли очень прочно в советскую, а затем и в российскую школу. Для преобразования школы у Менделеева была идея взять все, что было толкового из гимназий, из технических училищ. И долгое время в нашей стране мы на этом строили свою систему образования. Иными словами, кафедра ЮНЕСКО специальные мероприятия, посвященные Менделееву, не проводила, но ученого мы не забывали.

В зеркале времени

«Поведал миру Менделеев...»

Антон ДЕРКАЧ,
корреспондент «ПВ»

175-летие со дня рождения Дмитрия Ивановича Менделеева — событие отнюдь не научное, как можно было подумать, а скорее культурное. Влияние Менделеева и его наследия на культуру трудно переоценить.

В Санкт-Петербурге есть уникальное место, связанное с Дмитрием Ивановичем Менделеевым — на Московском проспекте, д. 19-21, размещаются здания Всероссийского научно-исследовательского института метрологии им. Д.И. Менделеева. Это бывшая Палата мер и весов, основанная Менделеевым, и рядом так называемый «красный дом», где Д.И. Менделеев жил и работал в последние годы своей жизни (в 1897-1907 гг.); там же сохраняется его квартира. В 1930-х перед зданием был открыт памятник Д.И. Менделееву (скульптор — И.Я. Гинцбург) и выложено большое мозаичное панно, изображающее Периодическую систему химических элементов. Под впечатлением от созерцания этого удивительного места, столь любимого иностранными туристами, в 1938 году советский поэт и военный корреспондент Анатолий Чивилихин (1915-1957) написал стихотворение, взяв его название из библейской легенды о пире вавилонского царя Валтасара. Мене, текел, упарсин — исчислено, взвешено, разделено.

Анатолий Чивилихин
(1915-1957)

МЕНЕ — ТЕКЕЛ — УПАРСИН

Опять в вечернем полумраке
Стена отвесная видна.
На ней начертанные знаки —
Как дней минувших письмена.
Все было тления добычей —
Его приход не отразить,
Пока не принят был обычай
На камень знаки наносить,
Чтоб избежать могли забвенья
Средь сыновей — дела отцов,
Былых властителей вельня
Иль откровенья мудрецов.
Но даже камни обветшали,
Их гордость прежнюю не жаль.
Все это давние скрижали,
Видна им новая скрижаль.
И каждый знак ее взлеяв,
Суровым гением своим
Поведал миру Менделеев

В природе понятие им.
И вот в вечернем полумраке
Стена отвесная видна,
На ней начертанные знаки —
Как дней минувших письмена.
Снег падает. Весь мир заснежен,
Но вечно движется к весне.
Исчислен, разделен и взвешен —
Вещают знаки на стене.
1938

Многократно переиздававшийся труд Дмитрия Ивановича Менделеева «Основы химии» и в настоящий момент не утратил своей научной значимости. Однако, что интересно, наибольшее число работ Менделеева посвящено экономическим вопросам и проблемам развития промышленного производства. В них Менделеев, прежде всего, патриот России, а уже потом ученый.

Степан Щупачев
(1898/99 — 1979/80)

ЧИТАЯ МЕНДЕЛЕЕВА (из цикла «Труд... мечта...»)

Другого ничего в природе нет
ни здесь, ни там, в космических глубинах:
все — от песчинок малых до планет —
из элементов состоит единых.

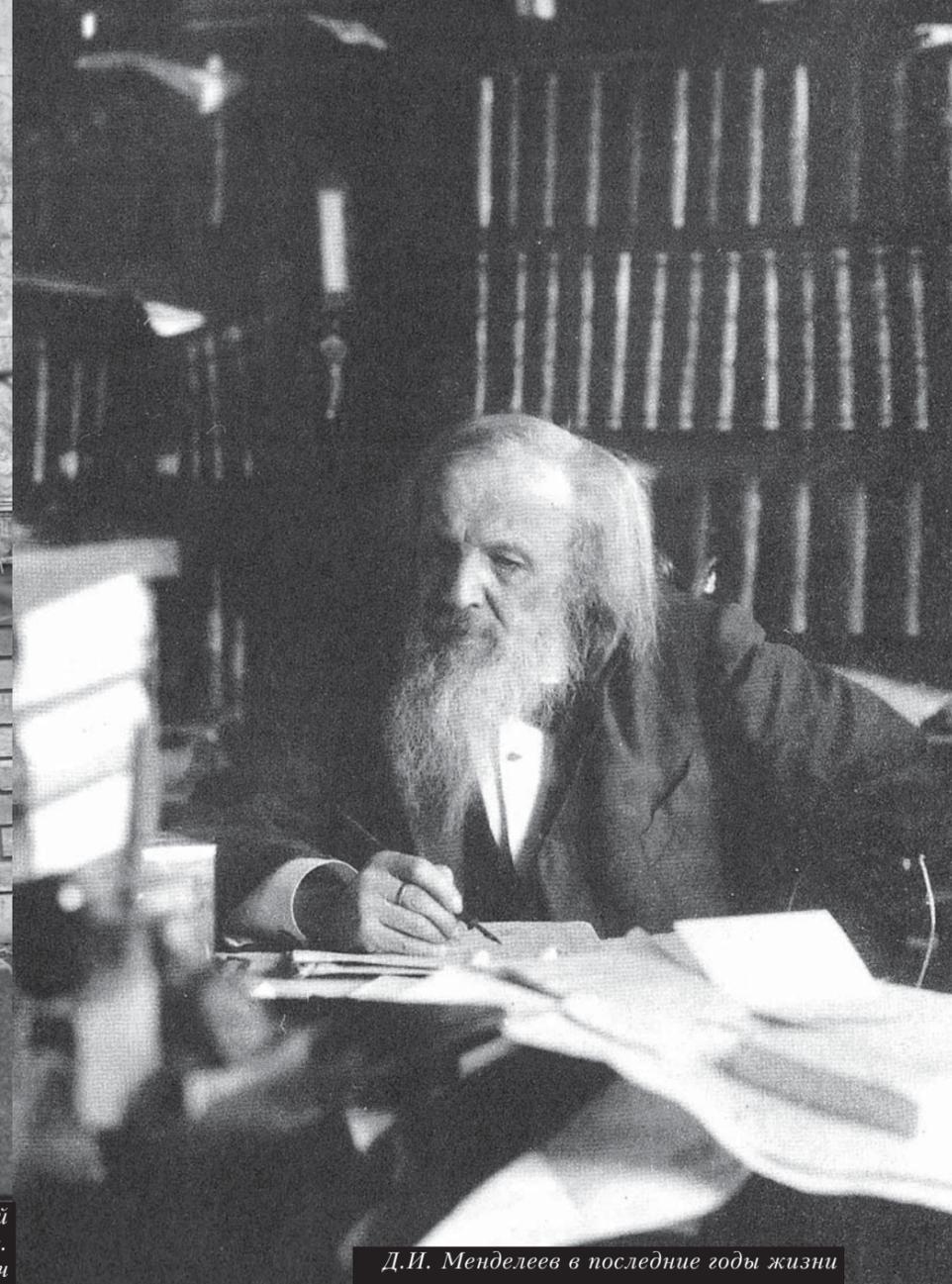
Как формула, как график трудовой
строй Менделеевской системы строгой.
Вокруг тебя творится мир живой,
входи в него, вдыхай, руками трогай.

Есть просто газ легчайший — водород,
есть просто кислород, а вместе это —
июньский дождь от всех своих щедрот,
сентябрьские туманы на рассветах.

Кипит железо, серебро, сурьма
и темно-бурые растворы брома,
и кажется вселенная сама
одной лабораторией огромной.

Памятник и панно с Периодической системой на Московском проспекте.
Фото А. Деркач

Д.И. Менделеев в последние годы жизни

Тут мало оптикой поможешь глазу,
тут мысль пытливая всего верней.
Пылинку и увидишь-то не сразу —
глубины мирозданья скрыты в ней.

Будь то вода, что поле оросила,
будь то железо, медь или гранит —
все страшную космическую силу,
закованную в атомы, хранит.

Мы не отступим, мы пробьем дорогу
туда, где замкнут мирозданья круг, —
и что приписывалось раньше богу,
все будет делом наших грешных рук!
1948

В мире нет образованного человека, который не слышал бы о Периодической системе химических элементов. Ее эlegantностью и стройностью восхищались как современники Менделеева, так и последующие поколения ученых. Интересно, что сам Дмитрий Иванович неоднократно довольно скептически высказывался по

поводу своего открытия, однако придавал ему огромное значение как инструменту обобщения и предсказания в области химии.

Николай Глазков
(1919–1979)

Пусть зимний день с метелями
Не навеет грусть —
Таблицу Менделеева
Я знаю наизусть.
Зачем ее я выучил?
Могу сказать зачем.
В ней стройность и величие
Любимейших поэм.
Без многословья книжного
В ней смысла торжество.
И элемента лишнего
В ней нет ни одного.
В ней пробужденье дерева
И вешних льдинок хруст.
Таблицу Менделеева
Я знаю наизусть.

УРОК ГИМНАЗИИ

Марина ЯИЧКИНА,
факультет журналистики СПбГУ

В нашем городе до сих пор нет музея общего образования (есть только музей профессионального образования на улице Марата). Поэтому любые публикации по истории учебных заведений и тем более выставки привлекают особое внимание. И вот в выставочном зале музея А.А. Блока открылась небольшая, но очень насыщенная и ёмкая выставка, посвященная некоторым страницам истории гимназического обучения в Петербурге—Петрограде. (О современном гимназическом образовании речь идти не будет.)

Появление этой выставки именно в музее Блока закономерно продолжает тему «Блок-гимназист»: недаром среди фотографий на общем фоне выделяются фотоснимки Блока-учащегося одного из средних классов и Блока-выпускника гимназии.

Выставочный зал на большое число экспонатов не рассчитан, да и самих экспонатов не так-то уж много в музыкальных фондах и частных коллекциях. Поэтому говорить о каком-то очень широком и тем более углубленном представлении о гимназическом образовании не представляется возможным; и всё же отдельные черты выявлены достаточно точно.

Много ли мы знаем о дореволюционных гимназиях? Я не имею в виду крайне малочисленных специалистов по истории педагогики. Всё, что я смогла вспомнить, можно буквально посчитать на пальцах: рассказы Чехова с его героями, как гимназистами, так и учителями (при этом действие на уроках не описывается), многостраничный и немного скучноватый роман инженера-литератора Н.Г. Гарина-Михайловского «Гимназисты». Горестный и сатирически насыщенный памфлет Власа Дорошевича «Маленькие чиновники», конечно же, повесть Льва Кассиля «Кондуит», повесть Белеет парус одинокий» Валентина Катаева. Строго документальные научные и в то же время лично

эмоциональные впечатления о гимназии периода ее заката оставила Мариетта Шагинян. Ее исторический этюд «Билет по истории» и мемуарная книга «Человек и время» дают не только яркое представление о гимназической жизни в целом, но и являются ценными источниками. Особенно интересны страницы воспоминаний Шагинян о женской гимназии. Есть у Мариетты Шагинян замечательная роман-хроника «Первая Всероссийская» о выставке ремесел и других сфер деятельности России на широком историческом фоне. Большое внимание автор уделяет и школе, но преимущественно начальной и народной. Читая эти страницы, воочию убеждаешься в том, что это был совершенно иной мир учебных заведений, нежели гимназии.

Д.А. Засосов и В.И. Пызин, авторы занимательных и документально-точных краеведческих очерков «Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов», профессиональными литераторами не были, но умели изложить личные впечатления живо, занимательно и даже забавно. Есть у них глава-очерк и о гимназиях. Также не могут не вспомниться страницы мемуаров видных деятелей литературы, искусства, науки, в частности страницы о знаменитой не только на Васильевском острове, но и во всем Петербурге—Петрограде знаменитой либерально-демократической частной гимназии Мая, своеобразного «инкубатора» ученых России: достаточно сказать, что в числе так называемых «майских жуков» было около четырехсот в будущем докторов наук!

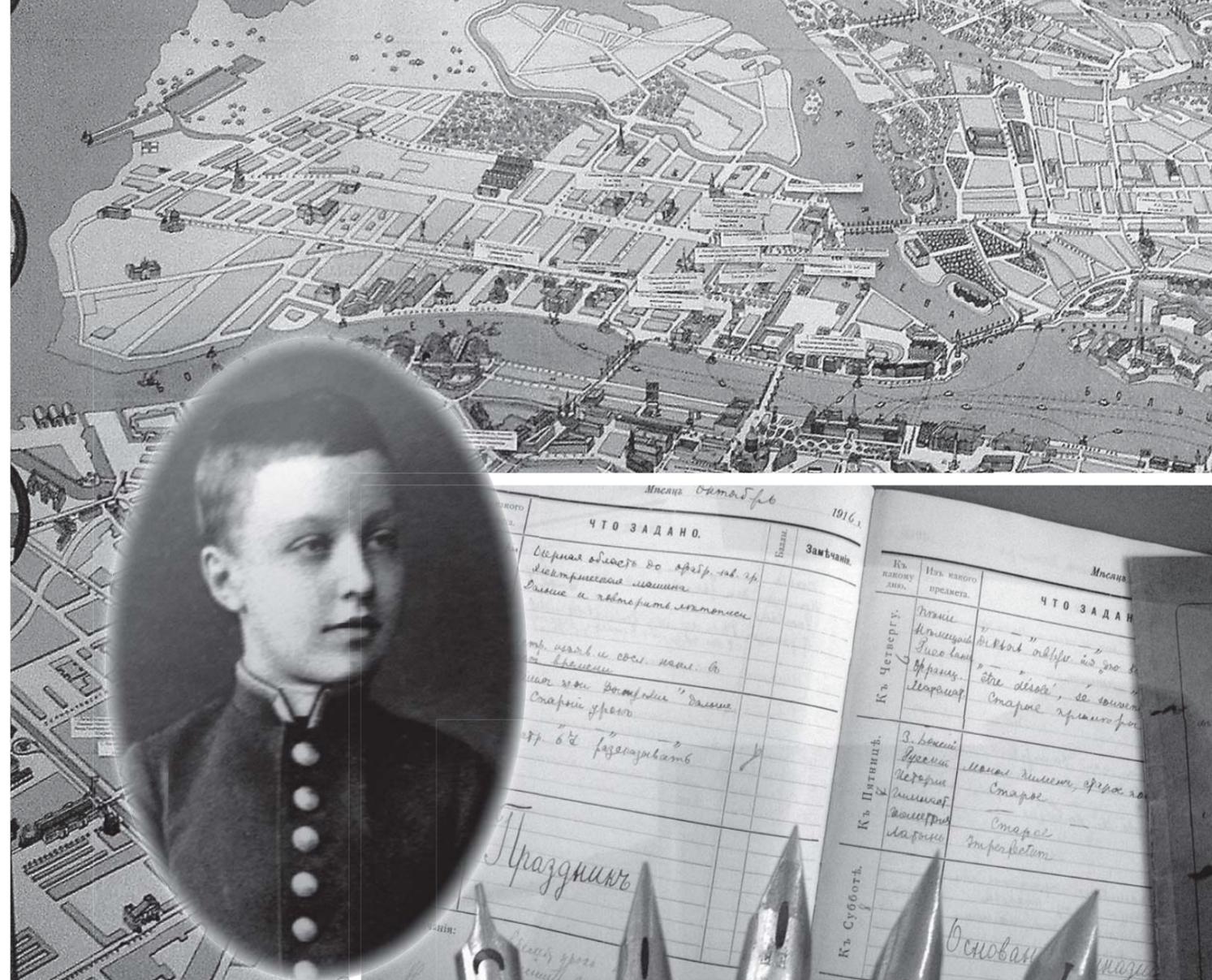
Итак, гимназии частные и казенные. Между ними — существенные, зачастую принципиальные отличия и в учебных программах и в форменной одежде, и в быту,

и в том понятии, которое раньше подразумевалось, но так не называлось — «моральный климат». Правда, глядя на карту-схему гимназий Петербурга, сразу не отличишь, какое из обозначенных семидесяти учебных заведений частное, какое — казенное; более того, в некоторых случаях по одной, так сказать, «крышей» находились учебные заведения разных типов: и гимназия, и реальное училище. Возникает вопрос: «Много это или мало для Петербурга 1913 года?» Следует обязательно учитывать, что в гимназиях, да и в реальных училищах, никогда не было двух смен и так называемых «параллельных классов». Что же касается наполненности классов, то, судя по разным источникам, число гимназистов и гимназисток колебалось от 28 до 35, то есть примерно столько же, сколько и в современных школах. Возраст учащихся колебался от 9 до 17

лет, в 18 заканчивали гимназию очень редко.

Для сравнения, на сегодняшний день в нашем городе, с учетом пригородов, свыше шестисот средних школ; естественно, надо учитывать, что сильно возросла численность жителей, но при этом среднее образование остается доступным для всех слоев общества. Раньше же доступность гимназического образования для широких слоев жителей даже губернских городов (в некоторых уездных

городах тоже имелась гимназия) была минимальна: значительная обязательная плата за обучение (взятие на казенный счет — явление редчайшее), разного рода сословные ограничения. Например, гимназия №1 комплектовала своих учеников только из состава дворянства, в гимназию №2 могли поступать дети чиновников и купцов, гимназией №3 могли быть приняты дети мещан и мелких торговцев, что же касается детей рабочих и тем более крестьян, то

эти исключения были невероятно редки.

Судя по карте-схеме, некоторые гимназии, кроме номера, имеют уточнительное слово в названии — *классическая*. Возникает вопрос: «Какие же среди них были еще?» Выставка на него ответа не дает, но мне удалось уточнить, что наряду с *классической гимназией* существовали так называемые *гимназии реальные*, то есть это своеобразные учебные заведения — гибриды реального училища и гимназии: гуманитарных предметов в них было меньше, а математики, физики, химии, биологии — больше.

Разумеется, за историю своего существования гимназии претерпели большие изменения, и весь путь их развития в данной маленькой выставке отражения не нашел и не мог найти. Поэтому посетители выставки имеют возможность заглянуть в страницы истории лишь последнего этапа существования подобных учебных заведений.

Заинтересовавшись хотя бы примерной ценой платы за обучение, точной цифры я получить не смогла: как мне объяснили, специальная плата имела большие колебания — и среди казенных гимназий, и тем более среди частных. И все же косвенные данные получить мне удалось: судя по воспоминаниям известного писателя-искусствоведа Л.В. Успенского, выпускника частной гимназии Мая, его отец — чиновник среднего ранга, с трудом смог выплачивать необходимые суммы за обучение сына. Что же касается представителей неимущих классов, то характерен такой пример: токарь депо высшего класса квалификации, чтобы оплачивать обучение дочери в гимназии в губернской Полтаве, вынужден был взять себе вторую, равнозначную по объему и трудоемкости, работу.

Материальное положение преподавательского состава и администрации тоже точно определить нельзя: большой разброс цифр в

зависимости от времени действия, от характера и вида учебного заведения. Косвенные же данные таковы: по свидетельству бывших гимназистов, которым так или иначе приходилось бывать в домах своих учителей, жили они, по нашим меркам, несравнимо состоятельнее, чем педагоги нынешних школ. Достаточно сказать, что каждый снимал квартиру больше чем в четыре комнаты, имел кухню, мог обучать своих детей в частных гимназиях. Отец моего знакомого журналиста рассказывал о том, как видел в Полтаве начала XX века знаменитые колядования, которые поощрялись и самими преподавателями: он сумел рассмотреть своими глазами быт не только учителей, но

и даже директора, который жил в двухэтажном каменном доме. Так вот, уровень жизни среднего учителя той поры был на уровне среднего чиновника губернского города. При этом за дисциплиной им следить не приходилось: для этого существовали специальные надзиратели — и на уроках, и на переменах, и даже на улицах.

Среди экспонатов выставки, способных «заговорить», есть несколько подлинных удивительных предметов. Это, прежде всего, подлинник *кондуита*. Современник это слово вряд ли поймет. *Кондуитом* называлась специальная тетрадь, куда записывались все замечания к учащимся. Сейчас в некоторых школах существуют

так называемые *дисциплинарные тетради*, прототипом которых можно назвать как раз *кондуит*. Больше всего удивляет разница между проступками современных школьников и гимназистов начала XX века, а также меры наказания. Например, за антиобщественное поведение в городском саду — пять часов карцера, за прогулку с тростью по улицам города — карцер на час, а за то, что гимназист, отрок по возрасту, нес ранец за один ремень, а не как положено по уставу — карцер на три часа. Правда, карцером тогда считалась малая чистая, теплая и светлая комната, где можно было спокойно посидеть или даже почитать книгу.

Не могли не удивить и темы сочинений по литературе для учащихся старших классов. Кстати, интересно заметить, в женских гимназиях был обратный счет: восьмой класс считался начальным, а первый — выпускным. Вот примеры некоторых тем: «*Что такое драматический конфликт?*», «*Начало романтизма*», «*Причины и условия успеха повести Карамзина «Бедная Лиза»*», «*Взгляды Карамзина на историю*»... Некоторые из этих тем, как я думаю, вызвали бы затруднение даже у студентов-филологов. Начало одного сочинения, представленного в виде образца на витрине стенда, удивило меня четкостью изложения и широтой кругозора. А ведь это сочинение ученика обычной гимназии, а не той, которая специально готовила выпускников на историко-филологический факультет Петербургского университета.

Все чисто бытовые подробности привести к единому знаменателю мы тоже не сможем: слишком большая была разница в порядках каждой из гимназии! Совершенно ясно одно: нагрузка давалась значительная, времени для безделья практически не оставалось. Попробуй не приготовить урок для какого-нибудь чеховского «человека в футляре»! Все помнят со школы звонок с урока на перемену и наоборот. Так вот, в гимназии казенной он мог звенеть и пять раз подряд, давая последовательные команды типа «прекратить писать», «собрать вещи», «готовиться к выходу на перерыв» и т.п. Вторая половина дня тоже, судя по многочисленным воспоминаниям, была достаточно плотной,

в частности, практиковалась работа обязательных кружков.

Чаще всего знания оценивались по традиционной пятибалльной системе. Недаром вспоминаются строки поэта-сатирика Петербурга начала XX века Саши Черного:

Ревет сынок! Побит за двойку с плюсом!

В некоторых гимназиях была и двенадцатибалльная система, но чаще всего оценки обозначались словесно.

Теперь в самый раз обратиться к вопросу о так называемых плюсах и минусах, то есть прибавках и изъятиях от отметок. Сейчас в школах этой практики почти нет: разве что учитель, оценивая ответ, может сказать: «Оценка между тройкой и четверкой. Так, четверочка с минусом». Но еще здравствуют те, кто учился в послевоенные годы, когда «плюсы» и «минусы» существовали официально и даже заносились в табели как итоговые оценки за четверть. За учебный год, правда, такая практика не применялась: там оценки были круглые. В гимназиях же конца XIX — начала XX веков разве что единицы не имели этих полубалльных добавок — остальные отметки совершенно официально дополнялись *плюсами* и *минусами*. Если произвести нетрудный подсчет, то получится опять же 12 баллов! Вот такая арифметика в оценках знаний, прилежаний и характера поведения в школе. За прилежание оценка выставлялась еще в 60-е годы XX века. Пятерка за поведение была нормой. Четверка — это уже тревога, вызов в школу родителей и т.д. А тройка — просто ЧП!..

Что же касается расписания предметов, то некоторые из них современного старшеклассника удивят: ну, скажем, «естественная история», «космография», что в какой-то степени можно сравнить с «астрономией». Бросается в глаза и присутствие в расписании педагогических предметов.

Теперь несколько слов о том, что ныне именуется *канцелярскими товарами*. На выставке были представлены деревянные линейки, счеты, перья для чернил, чернильницы, перочистки. На крышке рояля одиноко стоит керосиновая лампа. Да, даже в Петербурге, не говоря уже о губернских и тем более уездных городах,

электричества в классах не было. Отопление, конечно же, имелось печное. В коридорах и гимназическом зале, как вспоминают бывшие гимназисты, упражнения выполнялись в обычной форме, а не в какой-то специальной тренировочной одежде. Уроков физкультуры не практиковалось, их заменяли уроки гимнастики, причем только в мужских гимназиях.

А вот об этой стороне деятельности гимназий конца XIX — начала XX веков мало кто слышал: оказывается, ряд гимназий, во всяком случае, в столице, выполняли функции контрольно-методические и аттестационные. В мемуарах одной нашей горожанки мне удалось найти упоминание о том, что мужская гимназия №7 на Кирилловской улице принимала экзамены за *неполный* гимназический курс у будущих фармацевтов, аптекарских учеников, зубных техников и народных учительниц. Сама автор мемуаров сдавала экзамены (их было три: устный русский, арифметика и сочинение) на звание народной учительницы.

До сих пор в школьной практике отличников награждают золотыми и серебряными медалями; правда, счастливицы ждут некоторое разочарование: золотой сверху только тоненький слой, покрывающий металлическую форму. Гимназисты же получали медали из чистого серебра или червонного золота.

...Вот такие пунктирные линии к, условно говоря, портрету гимназии. К гимназиям современным они никакого отношения не имеют. Тогда они давали значительную и стойкую на всю жизнь гуманитарную грамотность. Один только пример. В связи с расширением издательского дела в 20-е годы в новых издательских организациях потребовалось значительное число корректоров, библиографов и библиотечкарей. На все эти должности и даже на редакторские охотно принимали выпускники женских гимназий. Гимназические учителя оставшиеся на Родине, продолжали свою работу и, как утверждают знатоки, работали в школах, в том числе и нашего города, вплоть до середины 50-х годов XX века.

Вот такие предварительные итоги дают нам уроки старой гимназии.

ХИМИЯ - ДЕЛО

ЖИЗНИ

И.В. ЛИХОЛЕТОВА,
главный хранитель фондов музея
истории университета

В 2008 году исполнилось 135 лет со дня рождения выдающегося русского учёного, специалиста в области в области неорганической химии и методики преподавания химии, профессора, доктора педагогических наук и действительного члена АПН РСФСР, заслуженного деятеля науки РСФСР Вадима Никандровича Верховского.

В.Н. Верховский родился 12 ноября 1873 года в г. Белом Смоленской губернии. Среднее образование получил в Смоленской классической гимназии. После её окончания в 1893 году поступил на естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. Его учителями были выдающиеся учёные Д.И. Менделеев и А.М. Бутлеров, непосредственным руководителем — академик Н.И. Бекетов. В.Н. Верховский окончил университет в 1899 году, но выпускные экзамены сдавал годом позже, в 1900-м, в знак солидарности с революционно настроенным студенчеством, протестовавшим против вмешательства полицейской охраны в дела университета. После окончания университета работал на пироксилиновом заводе, затем стал заместителем начальника производства на пороховом заводе Морского ведомства, где и начал исследовательскую деятельность. В это же время, увлечшись общественно-просветительской работой, читал лекции в вечерних воскресных школах для рабочих при техническом обществе, преподавал там природоведение и

начала химии. В общей сложности, образованию рабочих Петербурга В.Н. Верховский посвятил более 10 лет.

В 1905 году Вадим Никандрович поступил на работу в Женский педагогический институт, где прошёл путь от лаборанта до профессора, заведующего кафедрой неорганической химии. Здесь он активно занимался организацией и оборудованием в новом здании института (на Малой Посадской, д.26) химической лаборатории, вскоре ставшей одной из лучших учебных лабораторий Петербурга. Как методист, совместно с С.И. Созоновым, оказавшим большое влияние на всю его дальнейшую научно-педагогическую деятельность, В.Н. Верховский разработал методические пособия для средней школы. С 1906 года, в течение последующих 25 лет, одновременно с работой в институте преподавал химию в Тенишевском училище, где им (также при содействии С.И. Созонова) была создана образцовая химическая лаборатория.

С 1918 года В.Н. Верховский принимал активное участие в работе различных комиссий по реформам

школы при Наркомпросе, проводил обширную культурно-просветительскую работу среди населения: читал лекции рабочим, матросам, солдатам, командирам, инженерно-техническим работникам, учителям городских и провинциальных школ. Все лекции В.Н. Верховского сопровождалось химическими опытами, а для обучения сельских учителей в 1921-1923-е годы педагогом были разработаны простейшие опыты с примитивным оборудованием, которые демонстрировались в походной лаборатории под названием «вагон-курсы».

Кроме того, им был разработан и сконструирован целый ряд наглядных пособий — разборных моделей химических заводов, установок и аппаратов, при его участии было создано несколько учебных кинофильмов: «Водород», «Кислород», «Азот».

В.Н. Верховский — автор множества работ, посвящённых методике преподавания неорганической химии, технике постановки химических опытов, вопросам гидролиза солей, условиям получения и свойствам фосфата кальция, соединений азота с серой, вопросам военной химии. Его научные труды переиздавались большими тиражами более 10 раз.

*В.Н. Верховский
среди студенток Женского
педагогического института*

Значительное место в научно-исследовательской и педагогической деятельности В.Н. Верховского играли вопросы методики преподавания химии в средней и высшей школе. Верховский впервые в истории преподавания химии привлёк педагогическое наследие Д.И. Менделеева, выдвинув и глубоко обосновав идею построения школьного курса химии на основе Периодической системы. Впервые в мировой учебной практике химическое образование стало основываться не только на теории, но и на обучающем эксперименте. И по сей день практические лабораторные и экспериментальные контрольные работы, принцип которых был разработан Верховским, остаются неотъемлемой частью школьного курса химии.

В 1933 году группой соавторов (в первых рядах среди них был В.Н. Верховский) был выпущен первый стабильный учебник по химии, выдержавший 13 изданий, общим тиражом в 15 млн экземпляров. Он был переведён на несколько десятков языков бывшего СССР и зарубежных стран (Англия, США, Польша, Турция, Мексика и др.)

Работы коллектива, возглавляемого Вадимом Никандровичем на химическом отделении ЛГПИ им. А.И. Герцена (преобразованном

впоследствии в факультет), немало способствовали превращению методики преподавания химии в самостоятельную научную область.

В 1939 году в ЛГПИ им. А.И. Герцена широко отметили 40-летие научной и педагогической работы В.Н. Верховского. Институтская газета «За большевистские педагогические кадры» (№ 54 от 28 декабря 1939 года) посвятила этому событию два разворота. К В.Н. Верховскому были обращены многочисленные приветственные слова коллег по работе, учеников школ, студентов.

В Великую Отечественную войну до декабря 1941 года Вадим Никандрович оставался в Ленинграде. Он пережил все тяготы ленинградской блокады, был эвакуирован в г. Молотовск (Нолинск) Кировской области, где продолжал научную и педагогическую работу. В 1943 году Верховский присоединился к коллегам в г. Кыштыме Челябинской области, где в это время в эвакуации находился ЛГПИ им. А.И. Герцена. Помимо основной работы в институте, учёный читал выездные лекции в соседних городах, консультировал по химическим вопросам один из заводов.

Заслуги Вадима Никандровича Верховского перед отечественной наукой получили высокую оценку

в 1940 году, ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки; в 1944 году он был награждён орденом Трудового Красного Знамени и медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

В.Н. Верховский работал до конца своей жизни. Последние полтора года он почти не покидал постели из-за тяжёлой болезни и медленно угасал, но продолжал интенсивно работать над рукописью нового учебника по химии для 7-го класса (на специально сделанном столике-пюпитре собственной конструкции). Он общался с коллегами и друзьями, живо интересовался делами Академии педагогических наук, направлял работу кабинета методики химии Ленинградского филиала Академии педагогических наук, писал письма.

Скончался Вадим Никандрович Верховский 6 января 1947 года, после тяжёлой продолжительной болезни. Вся его жизнь была посвящена служению науке и просвещению. В день похорон В.Н. Верховского, 9 января, участники конференции химиков, проходившей в те дни в Ленинграде, прервали свою работу и в полном составе проводили своего учителя в последний путь.

Свобода слова

ЭТО ОТВЕСТВЕННОСТЬ

И. УЭЛЬСКАЯ,
корреспондент «ПВ»

20 мая состоялась встреча Владимира Владимировича Познера со студентами РГПУ им. А.И. Герцена. Она прошла в Голубом зале Герценовского университета.

В начале встречи Владимир Владимирович, коротко прокомментировал свой визит в Санкт-Петербург в связи с телемарафоном, ведущим которого он является. Он рассказал о своем проекте, посвященном проблеме ВИЧ/СПИДа «Время жить», об основных его целях, отметив, что это просвещение и информирование людей. Также В. Познер отметил свое участие в проекте, назвав его долгом, который есть у каждого журналиста. И очень коротко рассказал о себе, перечислив, как он выразился, основные вехи своей жизни — родился во Франции, затем долгое время жил в Америке и Германии. В возрасте 19 лет приехал в Россию. Выпускник биолого-почвенного факультета по кафедре физиологии человека. Счастлив, что получил научное образование. Мечтал стать переводчиком английской поэзии. Несколько лет был «словарем» С.Я. Маршака. В журналистику попал совершенно случайно в 1965 году. Имеет три гражданства — французское, американское и российское. Есть двое детей и три внука. Перечислив свои основные этапы в жизни, Владимир Познер предложил студентам задавать ему любые вопросы.

На сегодняшний день у нас в России — свобода слова, но при этом такие проблемы, как коррупция, насилие в детских домах и другие такого рода не освещаются. Владимир Владимирович, как Вы

считаете, каким образом можно решить проблему плюрализма в российских СМИ?

В.В. Познер: Один из выдающихся американских писателей Оливер Уэндер Холмс сказал, что человек не имеет права кричать «ПОЖАР!» в битком набитом кино-театре только потому, что ему так хочется. Свобода слова — это не только то, что ты хочешь говорить, это прежде всего ответственность. Просто надо понимать, что свобода и ответственность — это вещи, идущие рядом. У нас в России нет этого представления, у нас оно своеобразно, то есть свобода — это воля, «что хочу, то и ворочу». В России свобода слова — это очень узкий коридор, в любом случае — стены есть, и пробить их всегда можно. А когда в России была свобода слова? Я бы хотел подчеркнуть то, что сегодня подавляющее большинство людей, которые управляют страной, выросли в определенной обстановке — были пионерами, комсомольцами. У нас все еще советская Россия. Это вопрос определенного развития, определенного отношения к обществу. Просто надо понимать, что свобода слова и ответственность — вещи неразделимые, коридор свободы слова конечно, постепенно станет шире, но это процесс эволюции.

Приходилось ли Вам когда-либо заниматься преподаванием?

В.В. Познер: В настоящее время я являюсь ректором школы телевизионного мастерства и одно-

временно преподаю там журналистику. Я пытаюсь делать так, чтобы мои студенты понимали, чем они занимаются. Например, человека можно научить рисовать, но стать художником научить невозможно. То же самое — стать журналистом научить невозможно. Журналистом может стать человек, уже имеющий какой-то жизненный опыт, свою жизненную позицию.

Какие нестандартные меры применяют в плане борьбы с ВИЧ инфекцией?

В.В. Познер: На сегодняшний день больше 1% населения болеют СПИДом. Смысл телемарафона — просветительский, донести до сведения людей, что значит это заболевание, как защититься и как относиться к заболевшим. Группой риска являемся мы все, и поэтому крайне необходимы разъяснения как можно большему количеству людей. В России вопрос просвещения и профилактики пока отстаёт, нет плана. Многие говорят по поводу заболевших людей — они сами виноваты. Я считаю, что в смысле толерантности и понимания люди невиновны. Необходимо больше говорить в школах, в вузах, в учебных заведениях о том, что такое семья, верность, воздержание, любовь. К сожалению, возникают мнения, что с детьми об этом говорить не нужно.

Главное, конечно, — это информированность населения о понимании этого положения.

Вы приехали в Россию в возрасте 19 лет, кем Вы себя осознали?

В.В. Познер: Я Вам расскажу один анекдотичный случай на эту тему. Когда я путешествовал по Израилю на теплоходе, то беседовал с господином Пересом. Я его попросил: «Господин Перес, помогите мне разобраться. Я родился во Франции от французской католички, мой папа — еврей из Питера, но атеист, сам я вырос в Америке, ныне живу в России. Помогите мне разобраться, кто я? Господин Шимон Перес ответил так: «Если Вы не знаете, кто Вы, то, скорее всего, Вы еврей». А для моего самосознания это сложный вопрос, Родина моя не здесь, вырос я не здесь, кто его знает, кто я.

Самый трогательный вопрос был задан студентом Государственного университета: «Владимир Владимирович, у меня недавно родился сын. Я бы хотел узнать для себя, какие ошибки в воспитании Ваших детей Вы допускали?»

В.В. Познер: У меня двое детей. Когда моей дочке было три года, я вел себя с ней, как мой отец вел себя со мной маленьким. И вспомнил, что отец мой то же мне говорил, так же меня ругал. Однажды она меня вывела из себя, когда отказывалась есть, и я, конечно, доведенный до

белого каления, ее наказал. И после этого понял — мы переносим на своих детей то, как с нами обращались наши родители. Это неверно. Но это характерная вещь. Больше я никогда детей не наказывал, всегда старался все уважительно объяснить. Маленький ребенок — человек, и его нужно уважать. Нужно иметь в виду, что ум не имеет возраста. Бывает так, что пятилетний ребенок умнее пятидесятилетнего человека.

Что для Вас значит быть россиянином и что значит для Вас быть французом?

В.В. Познер: Когда я ездил по Штатам и брал интервью, то всегда предлагал такой вопрос: «Что для вас значит быть американцем?» В Америке вам ответят, что это лучше, чем быть мексиканцем. Америка — многонациональная страна, но все вам говорят, что они «американцы». «Быть французом» — ответ на этот вопрос для меня намного проще. Это источник своего рода счастья. Я люблю эту страну в деталях: как люди едят, ходят, реагируют, что происходит каждую минуту. Поэтому для меня быть французом — осознавать, что я часть этого, я чувствую себя в своей шкуре. Русский для меня — это человек, который живет в России. Это значит, что я имею определенные обязательства — голосовать, делать свою работу.

Насколько наше общество вовлечено в политику?

В.В. Познер: Я долгие годы был невыездым. В 1977 году меня отправили в Венгрию. Там мне делать было, конечно, нечего, но нужно было выехать сначала в такую страну. Я попросил, чтобы меня отправили в Будапешт. Это чудный, красивый город. Гуляя по нему, я увидел кинотеатр и афишу «Пролетая над гнездом кукушки». И я пошел смотреть этот фильм. Вошел я одним человеком, а вышел совершенно другим. Дело в том, что там есть один эпизод: актеры спорят — оторвет главный герой умывальный от стены или нет. Надувая жилы, он старается вырвать этот умывальный, но не может. Он не смог, но сказал: «Я, по крайней мере, попробовал». Надо обязательно пробовать. Получится, не получится, но пробовать надо, из этого вытекает уверенность в будущем. Я желаю Вам пробовать всегда, даже когда не получается. Не бойтесь, пробуйте, и тогда все у Вас получится.

Этими словами Владимир Познер закончил встречу со студентами. Выйдя на улицу, можно было еще долго наблюдать, как участники мероприятия обменивались впечатлениями от встречи с интересным человеком.

«ШКОЛЬНЫЙ РОМАН» ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

Мой «роман» с английским языком начался в третьем классе. Было это в 1952 году. Я жила на Съездовской, ныне снова Кадетской, линии Васильевского острова и ходила в 22-ю школу, в здании которой теперь находится факультет журналистики Санкт-Петербургского университета. Школа была недалеко, но чтобы до нее дойти, надо было перейти с одной стороны улицы на другую, а точнее со Съездовской линии перейти на Первую. Ближе к дому была 35-я школа, чтобы попасть в нее, дорогу было переходить не надо, но она была мужская. В те годы в больших городах девочки еще учились в женских школах, мальчики — в мужских. Так и писали на обложке дневников, тетрадок и документов — «женская школа №22».

В.М. ШАДРОВА,
кандидат филологических наук, доцент кафедры
«Связи с общественностью», гуманитарный факультет ЛЭТИ

В начальных классах все предметы, кроме пения, рисования и физкультуры, вела наша первая учительница и классная руководительница Анастасия Петровна, и только с появлением в расписании третьего класса английского языка пришла и новая учительница-предметник Валентина Павловна. И еще — учебник! Книга хорошего формата, в твердой обложке, темно-зеленого цвета, на которой было написано English. До сих пор помню фамилии авторов этого учебника, звучали они не совсем обычно — Годлинник и Кузнец. Странно, но я больше не помню ни одной фамилии авторов других школьных учебников, по которым училась десять школьных лет. Наверное, этот учебник сейчас можно найти в Национальной библиотеке и посмотреть, как расшифровываются инициалы авторов, но пусть эта гендерная неопределенность фамилий такой и останется.

Учебник по английскому разительно отличался от всех прочих, бывших до и после. Шрифт был четкий, бумага — отличного качества, а цветные картинки — яркие и праздничные. По такому учебнику хотелось учиться, учиться и учиться. Это был первый и последний учебник в моей жизни, который красотой и нарядностью превосходил любую из моих детских книжек для чтения, даже роскошную по тем временам «Малахитовую шкатулку» Бажова в подарочном издании. Мой умный старший брат, посмотрев куда-то в конец книги, определил, что она была напечатана ... в Германии! Место издания и название типографии указано не было — вместо этого стоял только какой-то длинный ряд цифр.

Уроков английского я всегда ждала с нетерпением. В нашем третьем «А» было, кажется, двадцать четыре ученицы, ни на какие языковые подгруппы нас тогда не делили, уроки Валентина Павловна вела спокойно, неторопливо и доброжелательно. Когда объем наших знаний английского алфавита достиг шести букв,

в книге появилась первая фраза, которую я помню ее до сих пор: «Kate, take a plate!» Она звучала как музыка, я повторяла ее на разные лады, за какие-нибудь два дня ее выучила наизусть вся наша семья, а также все соседи по коммунальной квартире. К концу года наш класс уже умел кое-что прочесть, написать и сказать по-английски.

Лето, каникулы... Здравствуй, школа и 4-й класс! И тут сюрприз — Министерство образования вычеркнуло иностранный язык из программы начальной школы, теперь все его будут изучать только с пятого класса. На дворе был 1954 год. Английский испарился из нашего расписания.

Снова лето, каникулы... И опять новость — девочки и мальчики больше не будут учиться отдельно! Для подкрепления прогрессивной идеи совместного обучения была даже написана песня, которую часто можно было услышать по радио в исполнении детского хора: «Ровесники, ровесники, девчонки и мальчишки, одни поём мы песенки, одни читаем книжки. Девчонки, мальчишки, мальчишки, девчонки, нам всем подружиться пора, всегда у нас весело в школе, да здравствует дружба, ура!».

Половина нашего класса осталась в прежней, 22-й школе, а другая половина, в том числе и я, была переведена в 35-ю, как тогда говорили, «к мальчишкам». Кроме всего прочего, считалось, что приход девочек с первого по восьмой классы (старшие классы обеих школ не трогали, «пусть спокойно доучатся») облагородит жизнь 35-й школы с ее суровыми мужскими нравами и законами. В этой школе до войны училась Таня Савичева, чей маленький блокадный дневник стал документом эпохи, а много позже нашего класса ее окончил Константин Эрнст, плавно потом перекочевавший на другую сторону улицы с тем, чтобы получить высшее образование на факультете журналистики и стать известным телевизионщиком.

«Автор с пеликаном», Северная Каролина, США,
— куда этот роман завел прошлым летом

Здание 22-й школы, где начался мой «роман»
и где теперь расположен журфак Университета

Итак, новая школа, новые учителя и заново — английский язык. Учебник по языку для пятого класса, как и все следующие за ним, разительно, неправдоподобно отличался от того, праздничного, для третьего класса. На серой бумаге, с сереньким шрифтом и серенькими невыразительными картинками — все они были смертельно скучны. Они почти не отличались от учебников по химии и геометрии. Но учительница — Анна Семеновна Симоненкова — была великодушна! И только благодаря ей занятия по языку остались моими любимыми. Кроме ненормально неинтересных учебников мы читали разные адаптированные книжки, что скрашивало скуку учебниковых текстов.

На одном из этажей нашей школы стены коридора-рекреации были увешаны застекленными репродукциями картин Русского музея и Эрмитажа. И Анна Семеновна предложила желающим стать «гидами» школьной картинной галереи. Естественно, на английском языке. Конечно, одним из этих гидов стала я.

В те годы в городе было мало мест и событий, где можно было бы услышать английскую речь. Одним из таких мест был кинотеатр на Садовой, где иногда показывали фильм об адмирале Нельсоне с Вивьен Ли

и Лоуренсом Оливье. А из событий вспоминаются триумфальные гастроли Королевского Шекспировского театра из Стрэтфорда-на-Эйвоне.

В старших классах надо было уже думать, куда поступать после школы. Душа «разбегалась» в разные стороны. Больше всего хотелось поступить туда, где изучают иностранные языки. При этом было отчетливое понимание, что особой потребности в таких специалистах не было, сфера применения языковых знаний сводилась, в основном, к преподаванию в школе или вузе. Еще хотелось самостоятельной жизни, были серьезные намерения уехать поработать в Сибирь или даже Якутию. Мое поколение выпускников — детей войны — было малочисленным, а стране были очень нужны рабочие руки, так как повсюду шли большие стройки. К счастью, хватило собственного ума, чтобы сообразить, что без специальности там делать особенно нечего. Еще меня очень интересовала таинственная наука генетика, которую мы в школе не «проходили», ведь она только недавно перестала быть, наряду с кибернетикой, «продажной девкой империализма».

Итак, получив аттестат, я отнесла его на биологический факультет Университета и весь июль прилежно ходила на подготовительные занятия

и консультации по физике и химии. А в предпоследний день месяца забрала документы с берегов Невы и перенесла их на берега Мойки, в приемную комиссию факультета иностранных языков Герценовского института. Почему не на филфак Университета, в пяти минутах ходьбы от дома? Шансов поступить туда у меня было мало, как мне объяснил знакомый моих родителей, работавший в Пушкинском доме, знавший ситуацию изнутри и посоветовавший идти на ... албанское отделение, где и перспективы в отношении последующей работы, по его мнению, было больше. Тогда действовало постановление Правительства, согласно которому весьма значительные преимущества при поступлении в высшие учебные заведения предоставлялись «лицам с производственным стажем», так называемым «производственникам»; они зачислялись в первую очередь. Предполагалось, что сначала школьник должен два года поработать, узануть жизнь, а только потом выбирать себе специальность.

Наскоро ознакомившись с требованиями к вступительным экзаменам по иностранному языку и истории, которые не надо было сдавать на биологическом, я отправилась писать сочинение и сдавать экзамен по литературе. Через три дня был

английский. Я решила сдавать экзамен в первых рядах, чтобы долго не мучиться. Тяну билет, получаю текст для перевода, сажусь переводить... а там что-то про игру в карты. А я в этих картах и их названиях и по-русски не разбираюсь, такой, вот, у меня пробел в образовании. Перевела весь текст, за исключением этих несчастных названий, остальное было легко, получила отлично. Уже после сдачи всех экзаменов нашла книгу, из которой мне попался отрывок для перевода — «Алису в стране чудес», до этого я ее не читала. В середине августа увидела свою фамилию в списке поступивших.

В нашей 1-й английской группе ленинградцев, кроме меня, Наташи Гековой и Маши Мартыновой, не было. А вчерашних школьников в группе и того меньше — только я да Маша Мартынова. Остальные приехали из других областей, городов и республик и имели трудовой стаж от года до четырех, а то и пяти лет. Моя новая подруга Надя Чернядьева была из Литвы, годом раньше она уже делала попытку поступить на этот факультет, сдала все экзамены, но не была зачислена, вернулась в Вильнюс и год зарабатывала там производственный стаж на Центральном телеграфе.

На первом курсе мне приходилось ездить с Васильевского острова на далекий проспект Стачек. Там, в помещении расформированного к тому времени 2-го Института иностранных языков, находился наш факультет, на отшибе от основного «кампуса». Ближайшая от моего дома станция метро находилась на площади Восстания. Дорога до института занимала больше часа. Кроме Наташи, Маши и меня все жили в общежитии, которое располагалось в том же здании, но этажом выше. И вот картина маслом — темное декабрьское утро, «первая пара», в аудитории — Маша и я. Иногда компанию «ранних пташек» развлекала и Наташа, но она была, скорее, «вольной», чем «ранней» пташкой. Ведь она была на четыре года старше нас, вполне самостоятельна, занимала комнату в коммунальной квартире на Херсонской (мама погибла под обстрелом в блокаду) и сама решала — идти на занятия или послать лишний часок. А где же остальные «девы»? Они еще в халатиках, наводят перед зеркалом «марафет» в своих комнатах на третьем этаже. Было бы преувеличением сказать, что это было системой, но иногда — было, чего скрывать.

На втором курсе и далее мы учились уже в центре города, на Мойке, куда переехал наш факультет. К сожалению, нашей семье в это время пришлось переселиться с Васильев-

кого именно в район проспекта Стачек, но это уже другая история.

Программа по языку была насыщенной, и хотя международные связи тогда были на нуле, наши преподаватели по языку были специалистами высокого класса, занятия с ними были интересны и полезны. Книжки современных авторов на английском языке, изданные за рубежом, тогда можно было найти только в магазине «Старая книга», да и то в единственном экземпляре, поэтому всю литературу мы изучали по произведениям, выпущенным советским издательством «Прогресс». Конечно, в основном это была английская и американская классика — Диккенс, Голсуорси, Уайльд, Кронин, Джек Лондон, Драйзер, ну еще «битники»... И почему-то в список попала книга The Path of Thunder — «Тропую грома», автора не помню, — о борьбе коренных южноамериканцев за свою независимость, где значительная часть сюжетной линии отводилась любви чернокожего парня и белой девушки.

Интересные лекции по истории языка читал профессор Ильиш, читал несколько отрешенно, глядя куда-то поверх голов. С таким же выражением он слушал музыку — его часто можно было встретить на концертах в Филармонии. Лексикологию вела Ирина Владимировна Арнольд, ее лекции на английском языке были блестящим образцом подачи учебного материала в отлично организованной форме. Очень основательно было поставлено изучение второго иностранного языка — немецкого. В нашей группе практику вел «сам Павлов», Владимир Михайлович. Он, как и его коллеги, относился к делу очень серьезно, спрашивал без поправок, задавал много, проверял строго. При желании можно было с нуля достичь достаточно хорошего уровня владения немецким. Так, роман Ремарка Drei Kameraden, который я раньше не читала по-русски, был прочитан мной впервые именно как домашнее чтение по немецкому языку.

Из преподавателей неязыковых специальностей запомнились своей колоритностью двое (имен, увы, не помню). Первая читала лекции по одной из общественных наук и отличалась неожиданными высказываниями вроде: «Я могу ошибаться, но я не уклонист». Легендарным был эпизод, когда один студент, потянувшийся открыть форточку, так как в аудитории было ощутимо душно, услышал в свой адрес следующее «Для Гедройца форточка важнее идейной борьбы», о которой как раз в ту минуту шла речь.

Вторым был преподаватель-медик. На третьем-четвертом курсах из

нас стали готовить медсестер запаса. Мы прослушали курс анатомии, гигиены, инфекционных заболеваний, основ фармакологии и прошли практику в больнице. Надо отдать должное преподавателям этих далеких от нашей будущей профессии предметов — они были преданными своему делу людьми и старались учить нас на совесть, вложить в наши головы полезные как в мирной, так и в военной жизни знания, а руки — обучить «ставить уколы», накладывать гипс и делать перевязки. Я до сих пор помню, как забинтовать голову, чтобы получилась «шапочка Гиппократ». Если на всех теоретических занятиях мы просто слушали и, в меру усердия, записывали получаемые новые сведения, то на лекциях и занятиях по анатомии часть аудитории неудержимо веселилась, особенно когда преподавателем применялся прием вопроса, который получил упрощенную формулировку: «За чего я держусь?» Преподаватель, вынимая очередной предмет из мешка, содержащего муляжи костей человека, задавал вопрос аудитории, хитро поглядывая на великовозрастных студентов. Поскольку костей было много, а знаний явно недостаточно, ответ обычно заключался в угадывании, причем высказывались разные предположения, что еще больше веселило публику.

«На картошку», обязательную в те годы для студентов всех курсов и вузов, наш курс почему-то ни разу не посылали, но летнюю практику в пионерлагерях в качестве вожатых, приставленных к воспитателям отрядов, мы прошли три раза. Впечатления и воспоминания остались хорошие, отличающиеся от недавно показанного по ТВ фильма «Синие ночи». Все серии я не смотрела, но мне показалось, что в нем много фальшивых стереотипов, с какими-то неестественными пионерами в парадной пионерской форме «белый верх — синий низ», которую в реальной жизни надевали только по торжественным случаям. В «моих» лагерях, включая тот маленький, всего из четырех отрядов, хотя он был от «Большого дома» и назывался «Дзержинец», всё было душевнее и проще: никаких ссор, интриг и сплетен не помню, все просто честно работали и даже успевали привязаться за смену к своим октябрютам-пионерам. А те бегали по лагерю в платьях, сарафанах, трусах, майках, повседневный «протокол» не требовал ношения галстука.

На пятом курсе началась педагогическая практика. Проходить ее мы были должны в школах Ленинградской области. Одна половина потока работала в осеннем семестре,

другая — в весеннем. Думаю, фокус такого распределения заключался в том, что таким образом отдела народного образования удавалось на целый учебный год хотя бы частично заполнять вакансии учителей иностранного языка в школах области. Я проходила практику весной, в поселке Веймарн Кингисеппского района. Жила недалеко от станции, до школы надо было идти километра три-четыре, сначала через поселок, потом через поле. Хозяйка домика, куда меня определили жить, ночью где-то что-то сторожила, а днем, когда я была на работе, отсыпалась, поэтому виделись мы с ней редко, но с удовольствием вместе гоняли чай и разговаривали. Классы мне дали и с английским, и с немецким языком. Дети были разные, но интересные. Не забыть, как один пятиклассник написал сочинение о своей собаке: «I have a dog. Her name is Жулька. She ходит со мной на рыбалку. I очень люблю my dog».

Моя практика проходила успешно, первый раз в жизни я увидела настоящую, загородную весну — с ручьями, красноталом в поле и жаворонками в небе. Раз в две недели на выходной я ездила домой в Ленинград. Однажды на домашний адрес пришла бумага с предписанием явиться такого-то числа в институтский отдел кадров. Тут надо вернуться к учебе и сказать, что училась я увлеченно и неплохо, все время на повышенную, а начиная с четвертого курса — Ленинскую стипендию, и получила рекомендацию на единственное в тот год место в аспирантуре. Это освобождало от обязательного «распределения», в результате которого я вполне могла оказаться, как и мечтала, в Сибири, Якутии или на Сахалине. Но прочитанный за годы учебы Моэм, его «колониальные» рассказы, где действие происходит в тропиках и пахнет пряностями, и ночи совсем не такие, как на нашем севере, киплинговское стихотворение «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и им не сойтись никогда», его же — о дороге в Мандалей, где стоянка кораблей... так закружили голову, что породили страстное желание попасть совсем в другие края. И шанс представился — в виде заявки от Министерства транспортного строительства на толкового выпускника/выпускницу для работы в качестве переводчика в Непале. Где-то в начале года я дала согласие, и вот меня вызвали в отдел кадров, чтобы начать оформлять документы. И понеслась душа в рай...

Сидя темными вечерами в домике Ирины Константиновны, где, естественно, не было ни телефона, ни, тем более, телевизора, но зато был кот, я уже думала о том, что меня ждет

в Непале, как сложится там жизнь и работа — ведь командировка была на целый год.

Андрей Корольчук «Мой ангел», бумага, тушь, перо, 2006

Быстро закончилась четвертая четверть, я снова в городе, лихорадочно завершаю дела в институте, досрочно сдаю экзамены, а книги — в библиотеку, получаю свой «красный» диплом, покупаю Большой политехнический словарь вдобавок к толстому англо-русскому и русско-английскому Мюллера — и в ночь с 21 на 22 июня, самую короткую в году, вылетаю из Москвы в Дели, и через три дня я уже в Катманду, столице гималайского королевства. Но это уже совсем другая история.

P.S. В аспирантуру филфака Ленинградского университета я поступала уже позже и на общих основаниях, имея за плечами большой «производственный стаж» в виде работы на строительстве автодороги Восток-Запад в Непале, затем — переводчицей в институте Ленпромстройпроект, затем — на кафедре иностранных языков ЛЭТИ. Полюбившийся в третьем классе английский дал мне возможность работать с группой специалистов в Иране, повышать квалификацию на летних курсах в Оксфорде, стажироваться и работать в США, побывать на научных конференциях в самых разных городах Советского Союза, вплоть до Комсомольска-на-Амуре, и приобрести друзей.

Стихотворение, которое я написала своим одноклассникам по случаю нашего сбора у меня спустя много лет после окончания 35-й школы:

В текущий юбилейный год
Настал собратиться нам черед.

Нас мало было в сорок третьем
Детей суровых дней войны, —
И потому на белом свете
Держаться дружно мы должны.

Когда гремел салют Победы,
Под стол ходили мы пешком,
Не понимая целиком
Отчизны радости и беды.

Шло время, детки подрастали,
Учили первые слова,
И вот нас в школы записали —
Вас — в 35, нас — в 22.

В начальных классах просвещение
Шло при раздельном обучении,
Но в пятом классе наш Минпрос
Решил по-новому вопрос.

И вот под крышу 35-й
(Где грызли суть наук ребята)
Пришли девчонки-блудницы —
И расцвели мальчишек лица.

Наш класс единственным был в школе,
Не «а», не «б», а просто класс.
Внимательно и с доброй волей
Учителя учили нас
Всему.
Но вот пришла пора
Нам разлететься со двора.

Зрелость... Всё! Живи потише,
Образумься наконец, —
Ты ж теперь и для детишек,
И для взрослых образец!

Артистизм мастера

Н.Н. ГРОМОВ,
профессор кафедры рисунка факультета
изобразительных искусств

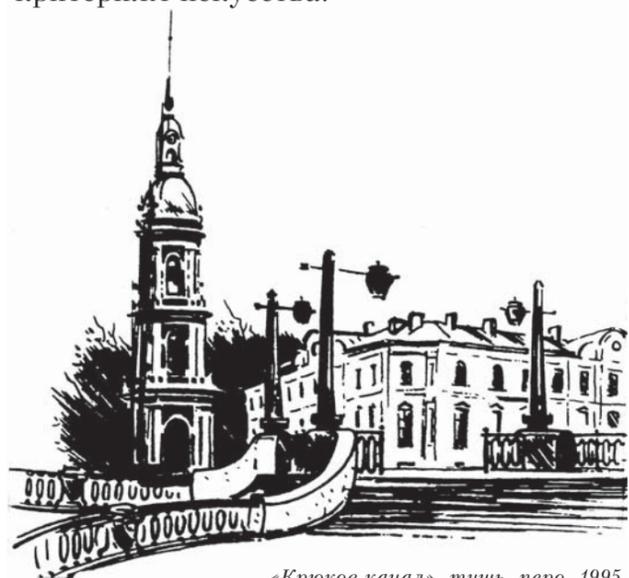
Петербургский художник Юрий Анатольевич Васильев — многоопытный мастер графики. В его руках артистично ведут себя и остро отточенный карандаш, и мягкая акварельная кисть, и стальная гравировальная игла. Всем навыкам владения любимыми инструментами он обязан Академии художеств, которую окончил в 1974 году по мастерской профессоров А.Ф. Пахомова и В.А. Ветрогонского, а также отцу — Анатолию Ильичу, прекрасному живописцу и человеку, завещавшему сыну не только технические приемы, но и, главное, бережное отношение к подлинным критериям искусства.

За тридцать творческих лет Ю. Васильев исколесил с путевым альбомом и этюдником почти всю нашу страну, побывал в разных уголках Европы, написал огромное количество пейзажей, создал несколько серий эстампов и живописных композиций. С таким весомым багажом художник постоянно участвует в выставках: российских и зарубежных; так называемых программных и душевных, камерных.

Казалось, всему учили в Академии, проведенные в ней годы были годами вопросов и ответов, ошибок и поправок, споров и дружеских наставлений, в результате которых и эстамп, и правила оформления книги были изучены досконально. Но кто мог предположить, что наступит час, когда потребуются иллюстрации не только к литературной классике или детским книжкам, но и к священным писаниям, житиям православных святых, а их-то в эпоху «воинствующего атеизма» уже мало кто помнил. С любопытством и некоторым трепетом Ю. Васильев согласился оформить книги незнакомого доселе содержания — «Равноапостольные святые братья Кирилл и Мефодий» и «Краткое жизнеописание Святой Ольги — Великой княгини русской».

Общеизвестно, что иллюстрации к историческим жанрам — занятие весьма сложное и противоречивое. Как, например, изобразить прошлое, не становясь в позу педанта-архивариуса? Допустима ли фантазия там, где

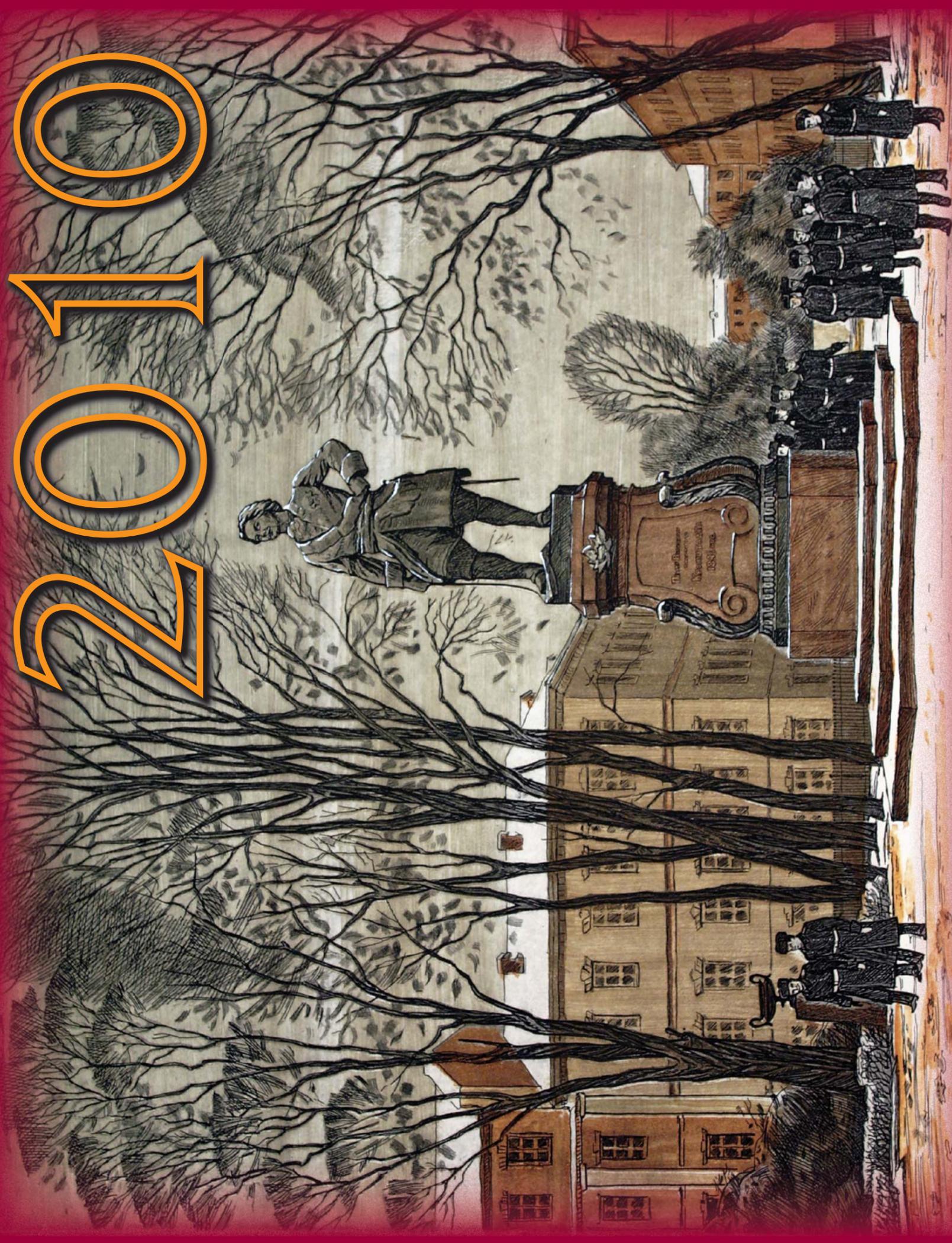

«Крюков канал», тушь, перо, 1995

«Исаакиевская площадь», холст, масло, 2006
«Канал в Уккермонде», бумага, акварель, 2004
«Зимняя канавка», бумага, акварель, 1997
«На Мойке», бумага, акварель, 2005
«Рождество в Петербурге», бумага, акварель, 2006

Ю.А. Васильев «Кронштадт. Памятник Петру», цветной офорт, 1984

ЯНВАРЬ

ПН	4	11	18	25					
ВТ	5	12	19	26					
СР	6	13	20	27					
ЧТ	7	14	21	28					
ПТ	1	8	15	22	29				
СБ	2	9	16	23	30				
ВС	3	10	17	24	31				

ФЕВРАЛЬ

ПН	1	8	15	22					
ВТ	2	9	16	23	30				
СР	3	10	17	24					
ЧТ	4	11	18	25					
ПТ	5	12	19	26					
СБ	6	13	20	27					
ВС	7	14	21	28					

МАРТ

ПН	1	8	15	22	29				
ВТ	2	9	16	23	30				
СР	3	10	17	24	31				
ЧТ	4	11	18	25					
ПТ	5	12	19	26					
СБ	6	13	20	27					
ВС	7	14	21	28					

АПРЕЛЬ

ПН	5	12	19	26					
ВТ	6	13	20	27					
СР	7	14	21	28					
ЧТ	1	8	15	22	29				
ПТ	2	9	16	23	30				
СБ	3	10	17	24					
ВС	4	11	18	25					

МАЙ

ПН	3	10	17	24	31				
ВТ	4	11	18	25					
СР	5	12	19	26					
ЧТ	6	13	20	27					
ПТ	7	14	21	28					
СБ	1	8	15	22	29				
ВС	2	9	16	23	30				

ИЮНЬ

ПН	7	14	21	28					
ВТ	1	8	15	22	29				
СР	2	9	16	23	30				
ЧТ	3	10	17	24					
ПТ	4	11	18	25					
СБ	5	12	19	26					
ВС	6	13	20	27					

ИЮЛЬ

ПН	5	12	19	26					
ВТ	6	13	20	27					
СР	7	14	21	28					
ЧТ	1	8	15	22	29				
ПТ	2	9	16	23	30				
СБ	3	10	17	24	31				
ВС	4	11	18	25					

АВГУСТ

ПН	2	9	16	23	30				
ВТ	3	10	17	24	31				
СР	4	11	18	25					
ЧТ	5	12	19	26					
ПТ	6	13	20	27					
СБ	7	14	21	28					
ВС	1	8	15	22	29				

СЕНТЯБРЬ

ПН	6	13	20	27					
ВТ	7	14	21	28					
СР	1	8	15	22	29				
ЧТ	2	9	16	23	30				
ПТ	3	10	17	24					
СБ	4	11	18	25					
ВС	5	12	19	26					

ОКТАБРЬ

ПН	4	11	18	25					
ВТ	5	12	19	26					
СР	6	13	20	27					
ЧТ	7	14	21	28					
ПТ	1	8	15	22	29				
СБ	2	9	16	23	30				
ВС	3	10	17	24	31				

НОЯБРЬ

ПН	1	8	15	22	29				
ВТ	2	9	16	23	30				
СР	3	10	17	24					
ЧТ	4	11	18	25					
ПТ	5	12	19	26					
СБ	6	13	20	27					
ВС	7	14	21	28					

ДЕКАБРЬ

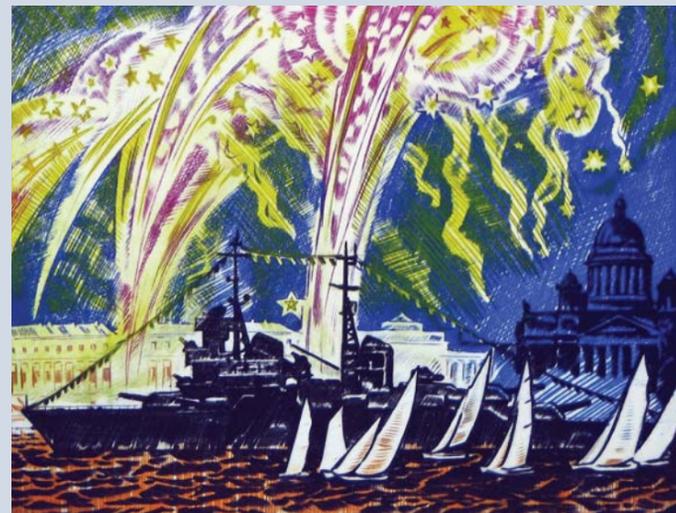
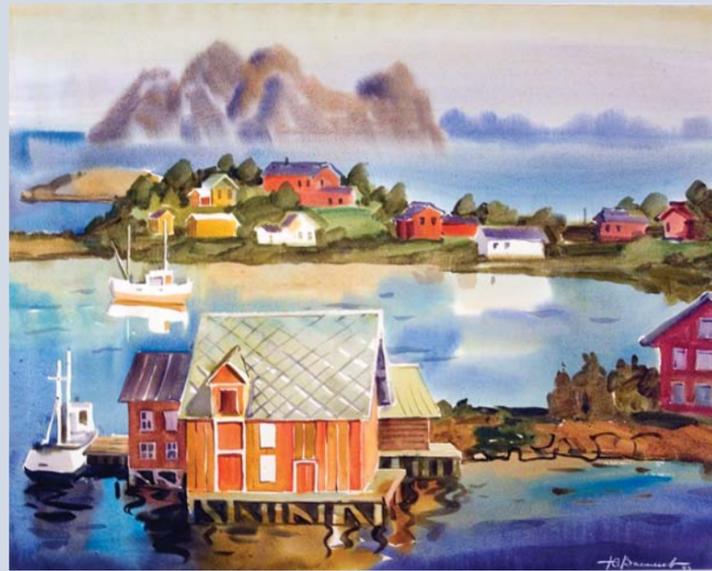
ПН	6	13	20	27					
ВТ	7	14	21	28					
СР	1	8	15	22	29				
ЧТ	2	9	16	23	30				
ПТ	3	10	17	24	31				
СБ	4	11	18	25					
ВС	5	12	19	26					

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

191186, С.-Петербург, наб. р.Мойки, 48,
корпус 20а, комната 301.
Телефон: 571 77 56.

E-mail: redvesty@mail.ru.

ИНТЕРНЕТ: www.herzen.spb.ru.

«Натюрморт с вереском», холст, масло, 2006
 «Виноградники Прованса», бумага, пастель, 2000
 «В долине Аму-Дарьи», бумага, акварель, 1990
 «Сентябрь на Лофотенах», бумага, акварель, 1993
 «Настурци», холст, масло, 2001
 «Праздник флота на Неве», цветной офорт, 1984

повествуется о неоспоримом факте? В каких красках показывать «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой»? Эти и подобные им вопросы не раз вставали перед Юрием Васильевым с той существенной оговоркой, что оформить предстояло не мирские опусы, а эпизоды из истории Православия.

Художник не стал имитировать Древнюю Русь, подделываться под образцы васнецовской, слишком новодельческой живописи. Но внимательно, с чувством приобщения к сакральному, изучал византийское наследие, иконопись и храмовые мозаики. Так, в иллюстрациях к житиям появились величавые в своем спокойствии, монументальные фигуры святых, фрагменты церковного зодчества и многосложные замесы цвета. Каждый лист иллюстраций, будь то обложка или «Положение во гроб» из «Кирилла и Мефодия», «Поклонение волхвов» из «Великой княгини Ольги», таинственно переливаясь приглушенным свечением красок. Слово старинные фрески, покрытые патиной веков, сошли на страницы книг о христианских пастырях. Погруженность в бескорыстный мир иконописцев, богомазов, как их тогда называли, позволила Васильеву по-новому оценить и возможности реалистического повествования.

Если участники храмового творчества, придерживаясь строгих канонов, достигали в своем деле вершин, то для воспитанника «свободных художеств» тем более широко открыто поле для экспериментов и самовыражения. Скромное участие в создании православной библиотеки обострило чувство прекрасного и осознание ценности времени.

Из исполненных иллюстраций, как своеобразное их продолжение, протянулись нити к другим композициям — «Охота», «Хождение за три моря», «Гроза в Толедо». Эти станковые листы убеждают в том, что Васильев — талантливый стилист. Он легко и свободно оперирует тонкостями различных направлений и эпох, не копируя тот или иной исторический стиль, а находя ему убедительный художественный эквивалент. В подтверждение сказанного стоит взглянуть на парафразы картин Караваджо и Карла Брюллова: «Волынщики», «Вакханалия», «Итальянские девушки», «Спящие музыканты». Знакомые образы «лютистов» и «итальянских красавиц» Васильев интерпретирует с доброй иронией, словно напоминая зрителям о сладостных томлениях творчества, о пиршестве красок, о праздничной природе искусства.

Мастер-класс по графике для студентов факультета изобразительного искусства ведет Юрий Васильев

Профессиональный универсализм художника-графика не освобождает его от некоторых внутренних противоречий. Так, работа над книгой и занятие станковой композицией — два разных состояния души. В первом случае существует ритм производственного процесса, четко оговоренные сроки и ответственность перед другими создателями книги. Рисую вольную композицию, напротив, можно позволить себе парить в эмпиреях фантазии, не скупясь на часы, дни и месяцы. В таком счастливом «полете» родились рисунки «Фавн», «Город у моря», «Арлекин и Пьерро».

Столь же благодатна работа в офорте. Она изобилует неожиданностями, которые помогают художнику быть оригинальным. Эффект новизны зиждится на свойствах техники. В каких-то моментах она непредсказуема, что при умелом ее использовании оборачивается успехом. Красноречивое свидетельство тому — серии офортов «Хозяева Тверской земли», «Русские города».

Точно так же и монотипия, которой Ю. Васильев увлекся в последнее время, открывает возможности творить чудеса. При печати оттиски приобретают сложную цветовую гамму и будто живую поверхность. Созерцая листы серии «Странники», воочию убеждаешься в неисчислимых возможностях искусства.

В мастерской художника радуют глаз не только эстампы, акварельные пейзажи и натюрморты. Со стен смотрят холсты, написанные маслом. Это портреты близких людей. Работа над портретом, Ю. Васильев исходит из простой и доверительной

формулы. Он изображает модель, находящуюся как бы в диалоге «тет-а-тет» со зрителем. Отсюда легкость и задушевность восприятия портрета жены («Лето»), дочери Ольги, автопортрета и т.д.

О достоинствах пейзажных композиций можно судить по сериям акварелей, написанным во время летнего пленэра в странах Европы. Каждый год Ю. Васильев выезжает работать над этюдами, то останавливаясь в северных немецких городах, то рассекая по автострате пространство от Парижа до Пиренейских или Альпийских гор. С изяществом и волшебной легкостью исполнены норвежские впечатления — «Полярная ночь», «Сентябрь на Лофотенах», «Фьорды-фьорды», «Ветер на фьорде». Мелодичность и лирическая напевность свойственны пастелям «французского» цикла: «Площадь Дофинов», «Понт Неф», «Улица в Авиньоне», «Виноградники Прованса». Благодарен художник судьбе и за встречи, состоявшиеся в Аму-Дарьинском оазисе Средней Азии. В далеком, жарком краю были созданы листы «Пустыня Кара-Кум», «Чайхана в пустыне», «Долина реки Аму-Дарья».

Для художника Юрия Васильева всегда было важным увидеть в природе и в жизни людей, в собственных фантазиях или в тексте иллюстрируемой книги, новый и запоминающийся мотив. Удачно найденный сюжет и умело переданное состояние мотива позволяют вызвать отклик в сердцах зрителя. А какая награда может быть дороже в мире духовных ценностей?

Удивительная судьба

К ЮБИЛЕЮ ЗИНАИДЫ ИВАНОВНЫ ВАСИЛЬЕВОЙ

Великий ум проявит свою силу не только в умении мыслить, но и в умении жить.

(Р. Эмерсон)

Удивительный человек, удивительная жизнь, удивительная судьба...

2 июля исполнилось 85 лет действительному члену Российской академии образования, доктору педагогических наук, профессору кафедры педагогики РГПУ им. А.И. Герцена Зинаиде Ивановне Васильевой, одному из верных, талантливых и добросовестных служителей педагогической науки и высшей школы.

Ее жизнь поистине удивительна. Необыкновенно рано определился ее талант в сфере образования, необычайно насыщенным был каждый период ее жизни и профессиональной деятельности, неопределимо важным был ее вклад в педагогическую науку и ее развитие, чрезвычайно значительным было ее влияние на

судьбы многих людей. И по сей день Зинаида Ивановна остается талантливым ученым и умелым организатором, неравнодушным добродетельным человеком, всей своей жизнью являющим пример настоящего Учителя...

З.И. Васильева родилась 2 июля 1924 года в Лазаревичах, недалеко от Тихвина. Мама, Олимпиада Ивановна Короткова, была учи-

тельницей. Ее любили в деревне и очень уважали за выдержанность, скромность, спокойный нрав, доброту и деликатность. Олимпиада Ивановна была истинно интеллигентным человеком и представляла цвет тихвинского учительства. Ее статьи публиковал журнал «Семья и школа». Одной из первых она была награждена орденом Ленина. Несмотря на работу в школе, она успевала выполнять всю домашнюю работу, воспитывать троих детей. Отец, Иван Михайлович работал бухгалтером, вел большое хозяйство, любил музыку, играл на фортепиано. Зиночка Короткова была старшей дочерью в семье и уже в четыре года начала ходить в школу, каждое утро ни свет, ни заря отправляясь за мамой. Вняв слезам и недетскому упорству, Олимпиада Ивановна взяла дочку в школу и посадила за последнюю парту. Девочка была на седьмом небе от счастья. Она не знала, в каком она классе, потому что вместе занимались все четыре, но ее увлекало все, что происходило на каждом из рядов, все было интересно. И этот интерес к школе, к детям сохранился на всю жизнь.

Зинаида Ивановна помнит всех своих учителей, считает их необыкновенно талантливыми, рассказывает о них с упоением и благодарностью. 21 июня 1941 года директор средней школы №1 вручила одной из лучших выпускниц диплом с золотой каймой. С того вечера прошло 68 лет. Но в памяти остались воздушные наряды, торжественные речи, головокружительные вальсы, прогулки по ночному городу — все было, как прекрасный сон... А на следующий день пришла война, поломавшая судьбы, планы. Еще не вкусив взрослой жизни, парни ушли на фронт и погибли. Их выпуск никогда не встречался всем классом.

Когда 7 ноября 1941 года немцы вошли в город, жители ушли в лес, в земляные укрытия. Они попали в самое пекло — налеты, бомбежки, взрывы, пожары день и ночь и никакой информации в течение месяца. Потом — возвращение домой, но на месте их дома остались только обугленные развалины. У Коротковых не было ничего, спасибо, что приютила школа, да помогли соседи. Чтобы выжить, Олимпиада Ивановна отвела дочь в РОНО. Ей поручили организацию изб-читален. Зинаида Ивановна вспоминает, как в любую погоду ходила по деревням, отмеряя десятки километров, готовила выступления, проводила беседы с людьми. За работу полагалась чашка зелено-

го супа и кусочек хлеба. Суп она съедала, а хлеб несла домой, где ее ждали. Ей удавалось обмануть пустой желудок только потому, что, как и ее мама, о других она думала больше, чем о себе. Ведь она была старшей в семье.

В 1943-1944 годах Зинаида Ивановна работала на эвакуационном пункте, принимала учителей из блокадного Ленинграда. Их надо было регистрировать, развозить по деревням, устраивать на жительство. Многие умирали, а она переживала, так как бессильна была помочь, спасти.

Потом пришло страшное известие: отец, тяжело раненый на Синявинских болотах, умер в госпитале в Ленинграде, то ли от голода, то ли от ран...

После снятия блокады были курсы советских работников, работа секретарем Гатчинского, затем Тихвинского райисполкома. Работа с людьми увлекала. И все-таки ее педагогическое призвание, пример мамы оказались сильнее, и она поступила в педагогический.

С 1 сентября 1946 года З.И. Короткова-Васильева неразрывно связана с Педагогическим институтом, теперь — Российским государственным педагогическим университетом имени А.И. Герцена.

В 1950 году она окончила исторический факультет ЛГПИ им. А.И. Герцена, а в 1953 году завершила обучение в аспирантуре по кафедре педагогики и успешно защитила кандидатскую диссертацию. Она прошла все ступени профессионального роста: сначала работала на кафедре педагогики ЛГПИ ассистентом, затем — старшим преподавателем, доцентом. В 1973 году З.И. Васильева защитила докторскую диссертацию на тему «Нравственное воспитание учащихся в учебной деятельности». Основу научной концепции составил личностно-деятельный подход к формированию нравственной направленности личности школьника. В это время началась работа с аспирантами, выполнявшими под руководством З.И. Васильевой диссертационные исследования по различным аспектам нравственного воспитания учащихся в разных видах деятельности — учебной, внеучебной, общественно-полезной. Было заявлено новое направ-

ление в исследовательской работе: воспитание как сложный двусторонний процесс взаимодействия субъектов в единстве обучения, воспитания и развития личности ребенка.

В должности профессора кафедры Зинаида Ивановна работает более тридцати лет. В 1976 году она приняла руководство и последующие 15 лет заведовала кафедрой общей педагогики ЛГПИ. Ею были разработаны курсы теории и истории педагогики для студентов педагогических вузов; она возглавляла проблемную лабораторию по нравственному воспитанию; два десятка лет — как член коллегии Ленинградского областного отдела народного образования — поддерживала непрерывную связь педвуза со школой.

В этот период как заведующая кафедрой головного вуза Зинаида Ивановна осуществляла общее руководство научно-исследовательской деятельностью кафедр педагогики крупнейших вузов страны. Почти ежегодно в ЛГПИ и других вузах издавались сборники научных трудов с информацией о результатах научной работы; проводились конференции молодых ученых. В этот же период под редакцией З.И. Васильевой был разработан и издан комплекс учебно-методических пособий по теории и истории педагогики, широко апробированный в практике, обеспечивавший повышение уровня педагогического образования в вузе. Кафедра педагогики, ее коллектив получили признание как центр развития новых подходов к совершенствованию подготовки педагога, новых авторских гипотез и направлений в научно-исследовательской работе, как центр подготовки научных кадров высшей квалификации.

Собственные исследования З.И. Васильевой и ее аспирантов развивали направление опытно-экспериментальной работы научной школы. Ведущая идея концепции — ориентационный подход к профессионально-нравственному формированию личности.

З.И. Васильева продолжает плодотворно руководить работой аспирантов и докторантов. За эти годы под ее руководством успешно защищены 62 кандидатские и 10 докторских диссертаций. Сегодня

под ее научным руководством ведут исследования молодые ученые, претворяющие в жизнь принципы научной школы, которую она основала. Воспитанники научной школы З.И. Васильевой работают в самых разных городах России: Санкт-Петербурге, Сыктывкаре, Омске, Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре, Чите, Красноярске, Петрозаводске, Вологде, Пскове, Архангельске и других городах России; а также за границей — на Кубе, в Казахстане, Эстонии, Белоруссии и др. Многие ее ученики стали ведущими специалистами вузов, прекрасными организаторами развития педагогической науки и образования. Так что вместе с опытом научного исследования Зинаида Ивановна передает еще и опыт преподавательской и организаторской работы.

20 лет (1976-1995 годы) З.И. Васильева была председателем Диссертационного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций. За эти годы многие преподаватели кафедры педагогики ЛГПИ и других педагогических кафедр вузов страны защитили кандидатские (более 300) и докторские диссертации (более 60) в Диссертационном совете, которым руководила З.И. Васильева. Ее научные консультации, организация исследовательской деятельности на кафедре, заинтересованность научным поиском, открытость и поддержка развивающихся кафедр педагогики в стране и за рубежом обеспечивали серьезное продвижение в педагогической области и в результатах подготовки научных кадров высшей квалификации.

З.И. Васильева — участник многих международных научно-педагогических симпозиумов и конференций, съездов и семинаров, руководитель и разработчик комплексных исследований в ведущих направлениях отечественной науки: история педагогики, теория и методика воспитания образования, нравственное воспитание школьников, ценностные ориентации студентов, учащихся, педагогов. Она изучает опыт образования в Болгарии, Венгрии, Дании, Польше, на Кубе. В 1989 году З.И. Васильева избрана действительным членом Российской академии образования, в 1998-м — действительным

членом Международной академии педагогического образования, она почетный профессор университета им. А.И. Герцена и почетный профессор Азербайджанского международного университета.

З.И. Васильева основала научно-педагогическую школу «Теория и методика нравственного воспитания учащихся», результаты деятельности которой представлены во множестве публикаций. Всего ею опубликовано более 160 научных трудов, среди которых — учебники и учебные пособия для студентов и аспирантов по истории и теории образования, проанализированы и обобщены результаты научной школы, научно-методические рекомендации и научные отчеты по организации опытно-экспериментальной работы в городе, районах и школах.

Педагогический талант, острое видение проблем, умение прогнозировать развитие педагогической

науки и практики, огромная научная и общественная деятельность послужили основанием для признания З.И. Васильевой одним из наиболее влиятельных и известных людей Санкт-Петербурга за 1998 год. Ей вручен официальный сертификат персонального участника ежегодника «Известные влиятельные люди города».

Указом Президента РФ от 6 марта 2000 года З.И. Васильевой присвоено звание заслуженного деятеля науки Российской Федерации. В.В. Путин вручил ей эту награду.

Идут годы, меняются студенты, аспиранты и докторанты, которым отдаются все силы, знания, но неизменными остаются удивительное жизнелюбие, бодрость и работоспособность этого человека, желание поддержать новое направление поиска, новую идею. Скольким людям она подарила радость научного творчества, в скольких

воспитала педагогическую ответственность и профессионализм! При этом Зинаиде Ивановне всегда удается гармонично сочетать научно-преподавательскую деятельность и личную жизнь. Семья, двое прекрасных сыновей, а теперь еще и внуки, друзья, коллеги и ученики — все находят у нее тепло и поддержку, дельный совет и реальную помощь. Она умеет организовать не только свое жизненное пространство, но и многих людей, с которыми ее свела судьба.

В Зинаиде Ивановне всегда поражает неуспокоенность, невозможность оставаться без любимых дел. Она в постоянной активной работе: читает лекции, выступает с докладами на конференциях или на заседании Академии, оппонирует диссертации, руководит комплексными исследованиями. Люди благодарны ей за возможность встретиться и обсудить волнующие вопросы воспитания и образования. В ней удивительным образом сочетаются научная строгость и взыскатель-

ность и деятельная человеческая доброта. И в общении на самом высоком уровне, в научных дискуссиях, в общении с природой, беседах с друзьями и учениками Зинаида Ивановна остается собой. Это удивительно цельный человек, который и в работе, и в жизни исповедует одни и те же высокие принципы. Это истинный пример ученого и педагога, Человека и Учителя.

Нам интересен с Вами каждый час,
Вы целый мир открыли перед нами,
С таким терпением Вы учили нас,
Что невозможно выразить словами!

Вы нас увлечь умеете всегда,
Хотелось бы и нам так много знать!
Здоровья, радости на долгие года
От всей души хотим Вам пожелать!

*Благодарные ученики
и коллеги*

Поэзия сильного звучания

Е.С. РОГОВЕР,
профессор, доктор педагогических наук

Через год после того, как в Педагогический институт им. А.И. Герцена поступил Николай Заболоцкий, студенткой этого учебного заведения стала Мария Ивановна Комиссарова. Восемнадцатилетняя девушка давно мечтала об учёбе в петроградском вузе, и вот в 1922 году это сбылось.

ПЕРВОПУТОК

Мария Ивановна Комиссарова родилась в 1904 году в селе Андреевское Костромской губернии в многодетной крестьянской семье. Её даровитый дед, выучившийся грамоте за пуд ржи у солдата, не только помнил большое количество некрасовских стихов и крыловских басен, но и владел удивительным фольклорным богатством, в частности русскими сказками, обаяние которых передавал своей внучке. Незабываемыми были и материнские песни, глубоко воспринятые дочерью, и красота лугов костромской земли, и волжские просторы, которые очаруют её, когда она будет жить в Костроме. Много позже, задумываясь о начале своей жизненной тропы, она скажет:

*Её начало —
В песнях мамы,
В лугах за Андой-рекой.
В той стороне моей,
Той самой,
Что называют костромской.*

Конечно, в юности Марии была не только эта пленительная поэзия родных мест, но и напряженный крестьянский труд, и пережитые ею ужасы Гражданской братоубийственной войны, и учеба в трудовой школе провинциального городка Любима, и непреклонная воля сурового отца, не хотевшего отпускать дочь учиться в Кострому, и работа сельской учительницей в начальной школе Костромской губернии. Но трудом и слезами было добыто право на дальнейшую учебу, уже в Петрограде.

Когда она, наконец, добралась до города на Неве, в её скромном багаже уже лежали школьные тетради с записанными в них стихами, передававшими мир её ранних переживаний и тревог.

И с первых дней пребывания в Педагогическом институте Петрограда Мария Комиссарова стала искать возможность публиковать свои стихи. Она вошла в то самое литературное объединение при институте «Мастерская слова», в котором уже состоял Н. Заболоцкий, а также Н. Вагнер, Г. Сорокин и Н. Браун, вскоре, в 1925 году, ставший её мужем. В период учёбы в Герценовском институте М. Комиссарова печаталась в машинописном журнале «Мысль», и журнале «Красный студент», который набирался типографским спосо-

бом. В нем было опубликовано стихотворение «Думы девичьи рдеют в закатах...» Началась пора, исполненная поэтических озарений, поисков, обостренного восприятия прекрасного, которое окружало студентку в красивейшем городе страны. К тому же тогда она познакомилась и подружилась с яркими ленинградскими поэтами Н. Тихоновым и А. Прокофьевым, что имело для неё важное значение. Позже, в одном из стихотворений, она передаст своё восторженное отношение к балладам первого из них:

*«Орда» и «Брага» — вот слова,
Что я храню в запасе.
В них наша молодость жива,
Их время не погасит.*

В пору учебы в нашем институте М. Комиссарова публикует на страницах ленинградских журналов стихи, которые в 1928 году сложились в первый сборник молодой поэтессы — «Первопутки». Вл. Даль объясняет это слово так: первый снег, первая зимняя дорога. Однако в данном случае смысл названия значительно шире. Это и первая дорога

в жизни, и ранняя пора творчества. Книга стихов была замечена известными поэтами. Появился одобрительный отзыв Б. Пастернака, а известный критик И. Оксенов услышал в стихах поэтессы «по-пастернаковски изысканные созвучья». Рецензенты писали о художественной «выучке», присущей Комиссаровой как представительнице «ленинградской школы», о фольклорных интонациях, озорной и прихотливой ритмике, свежести чувств молодого автора. Устанавливая традиции, наследуемые поэтессой, говорили о воздействии Н. Клюева и Н. Тихонова, но тут же отмечали звучание собственного голоса, энергию и силу характера. В самом деле, послушаем:

*Не стану тебе кориться,
Хоть и славник,
Называй меня озорницею,
Озорник.
Девушек на селе маешь,
Высмеиваешь за платки.
А меня вот не посмеешь —
Руки коротки.*

С книгой «Первопутки» Комиссарова вошла в большую ли-

тературу. В 1929 году она окончила институт и полностью ушла в творческую работу. В 1932 году за первым сборником последовал второй — «Переправа», а в 1936-м — третий — «Встреча». Обе книжки редактировались А. Прокофьевым, в обеих поэтесса обращалась к родной костромской земле, воспроизводила незабываемый деревенский быт и вехи своего становления как человека (стихи «Бабка», «Матери», «Детство»), но одновременно откликалась на зовы и темы современности («Женщина в гражданской войне», «Бригадный фронт»), передавала красоту человеческого общения и дружбы единомышленников.

Но с 1936 года поэтесса неожиданно смолкла. Молчание длилось 19 лет. Объясняется оно пережитыми трагедиями. Отец, подлинный хозяин на своей земле, был объявлен кулаком, многодетная семья Комиссарова оказалась репрессированной. Началась война. Муж служил на флоте, а поэтесса с маленьким сыном была эвакуирована на далекий Урал, где жила в глухой пермской деревушке на

Фото: www.yandex.ru

реке Чусовой. Сюда с большим опозданием приходили известия о смерти отца, об опасном переходе кораблей Балтийского флота из Таллина в Кронштадт, когда Н. Браун чудом остался жив. Затем последовало постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград», где несправедливое обвинение было брошено не только в адрес Ахматовой и Зощенко, но и Комиссаровой (она упрекалась за ноты пессимизма и разочарования в жизни). В результате была уничтожена подготовленная поэтессой книга стихов, а имя её было предано забвению.

ПОЭМА О ГЕРОИЧЕСКОМ ПОДВИГЕ

Однако сама Комиссарова отнюдь не молчала. Она мужественно пережила все обрушившиеся на неё горести. Силы прибавляли слухи о том, что некоторые её стихи стали песнями («Уральская партизанская», «Урал-богатырь», «Песня девушки»). В стихотворении «Песенка моя» она делится душевной радостью: «Меня до слёз / Растрогала молва, / Что где-то песенка моя жива / И что её друзья мои поют, / У них в сердцах / Нашла она приют».

В своей душе Мария Комиссарова нашла силы и для создания большого лиро-эпического полотна — поэмы «Лиза Чайкина». Как поведал Н. Луговцов в «Рассказах о моих современниках», ещё в 1942 году, в период эвакуации, М. Комиссарова однажды увидела в руках парнишки газету «Правда», где с волнением прочитала статью о героическом подвиге Лизы Чайкиной и её трагической судьбе. Выяснилось, что патриотка действовала на костромской земле, в родных для поэтессы местах. И Комиссарова решила написать о замечательной девушке поэму. А когда в 1944 году вернулась в Ленинград, начала собирать материал, относящийся к героине. Она побывала у родных Лизы, общалась с её друзьями, знакомилась с её жизнью довоенной поры.

К созданию поэмы Комиссарова готовилась долго. В прежних её стихах «Женщина в гражданской войне», «Подруги», «Голосом матери» давно уже кристаллизовался образ мужественной героини, надевшей в годину испытаний армейскую шинель и сапоги, чтобы отправиться «сквозь метели по фронтам, где враги».

О Лизе Чайкиной в своё время написал поэму Михаил Светлов, но его поэтический рассказ отличался проникновенным лиризмом. Поэт неслучайно начинал повествование очень тихо, выводя его из «заснеженного пустого пространства», откуда «идёт деревенская девочка /сквозь рощу, сквозь русский пейзаж /в неполную среднюю школу, /в единственный гордый этаж». И гибель Лизы Чайкиной Светлов передавал как личную трагедию, акцентируя внимание на душевной и нравственной красоте девушки.

Мария Комиссарова подошла к изображению своей героини по-другому. Она тоже передаёт картины детства, затрагивает тему юношеской любви, внося в рассказ что-то своё сокровенное и личное, тем более что избранник Лизы носил родное имя — Коля:

*Калиткой хлопнув, Лиза на крыльцо
Взбежала по ступенькам, дверь закрыла...
И Коле снилось Лизино лицо
И те слова, что Лиза говорила:
«Какие мы счастливые с тобой!»
... Вставал рассвет
над Руной голубой.*

Однако в основном поэтесса придала своему повествованию эпическое звучание, а ведущей эстетической доминантой поэтического рассказа стало героическое начало. Комиссарова наделила Чайкину чертами непримиримого народного мстителя. Стихи поэмы звучат публицистически остро, гневно, напряженно:

*Народный мститель Чайкина...
Как грозно
Три этих слова для врага
звучат!*

*Ноябрь, пороша, мглисто
и морозно,
И полыхает зарево в ночах.*

В эпизоды, где рисуется подвиг Лизы и её героическая гибель (расстрел фашистами после зверских пыток и истязаний), поэтесса вложила всю свою страсть, всю боль, весь накал собственных чувств, что сделало поэму М. Комиссаровой ярким, незабываемым произведением. Неслучайно критики (Г. Филиппов, М. Пьяных) ставили эту поэму в один ряд с такими литературными шедеврами времён войны, как «Зоя» М. Алигер и «Сын» П. Антокольского.

Поэма, завершённая в 1955 году, дала её автору право на печатание новых стихов.

МОЯ ТРОПИНКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Такими словами назывался первый послевоенный сборник стихов М. Комиссаровой, вышедший в пору «оттепели». Заголо-

вок вновь вводил устойчивый в поэзии ленинградского лирика образ *дороги* и говорил о незаглушенном голосе автора. Тропинка, а значит и творческий путь, были продолжены.

За книгой 1961 года последовали сборники «Самое дорогое» (1962), «Стихи» (1964), «Стихи о Ленинграде» (1967). Многие произведения из маленькой книжки о Ленинграде строятся на неизменном сопоставлении города и деревни, красавца, раскинувшегося на берегах Невы, и костромской земли, которой поэтесса верна так же преданно, как и Ленинграду: «У нас в Ленинграде зима. /Мороз в длиннополом тулупе. /А как там живёт Кострома, /Тепло ли, светло ли голубе?» Высокую патетику гимнов любимому городу поэтесса счастливо сочетает с нежным лиризмом и задушевностью.

М. Комиссарова ведёт доверительный разговор с читателем, вводит его в поэтическую лабораторию, делится с ним своими заботами:

*Обороняясь от забот,
Живу в заботах круглый год, —
Не слишком легкая стезя,
Но без неё мне жить нельзя.*

Особой темой в послевоенном творчестве поэтессы становится дружба народов страны. М. Комиссарова создаёт целый цикл лирических обращений к поэтам Украины (М. Рыльскому, П. Тычине, В. Сосюре, Л. Первомайскому) и Белоруссии (Я. Коласу, Я. Купале). Параллельно она ведёт большую переводческую работу и делает достоянием русского читателя многие стихи Т. Шевченко, Л. Украинки и названных выше поэтов. Неслучайно позже она будет удостоена премии им. М. Рыльского. Отмеченная тема получила отражение в новом сборнике поэтессы «Дорога к друзьям» (1968).

В книги М. Комиссаровой стали входить стихи, навеянные заграничными впечатлениями и связанные с поездками в Болгарию, Польшу, Италию. Ощущением неповторимой и неуязвимой красоты отмечены стихи о Венеции. Закономерным и вполне оправданным становится заголовок сборника «Всем расстояниям вопреки» (1979).

Однако поэтесса остаётся приверженной и таким характерным для неё мотивам, как преданность истинным друзьям, любовь, верность. Ярким выражением этих мотивов стали сборники «Ожидание встречи» (1973), «Ещё не вечер» (1981). Примером проникновенной передачи названных тем может служить стихотворение «Нет, я забвенью не предаю...»:

*Нет, я забвенью не предаю,
Тех лет, что прожиты
с тобою,
Что пройдено одной тропею
Забвенью не предаю.*

Кольцевая форма и повторы в этой строфе призваны передать силу и выношенность чувства, предельную сосредоточенность лирической героини и её преданность другу.

В середине 70-х годов Мария Комиссарова потеряла мужа, большого русского поэта. Скорбные переживания утраты за-

печатлелись в её замечательном цикле «Ты здесь, со мною рядом» (1975-1976). Строки отличаются пронзительной горечью и в то же время сдержанной силой: «А тебя всё нет/И не дозваться, /Через всё безмолвие —/Зову/ Завтра, послезавтра,/Может статься,/Голос твой услышу, наяву».

Творческий путь самой М. Комиссаровой продолжался ещё долго. Она на 19 лет пережила Николая Брауна. В 1984 году она подготовила к печати большой том «Избранного», который показал, как много сделала эта поэтесса.

Она умерла 28 июля 1994 года, когда ей исполнилось 90 лет.

Это была женщина яркого таланта и большого гражданского мужества. Она выступала в защиту Б. Пастернака, в 1969 году отказалась подписать письмо, требовавшее исключения А. Солженицына из писательского содружества, но зато подписала обращение за возрождение храмов и их возвращение верующим. Выпускница Педагогического института им. А.И. Герцена, ныне она покоится на Комаровском кладбище, рядом с Н. Брауном и недалеко от могилы А. Ахматовой. Н. Тихонов верно и справедливо сказал, что «русская поэзия может по праву гордиться жизненным и поэтическим путем Марии Комиссаровой».

*Я слышу, как, падая, шепчутся
листья,
Навеки прощаясь друг с другом.
Летят, разлучаясь,
Чтоб слиться,
Сродниться
С землей, без тени испуга.*

*Всему на земле
И предел свой, и сроки.
Так было от века,
Так будет...
Как листья, к земле припадут
мои строки,
Как эхо, откликнутся людям.*

1963

(Из сборника «Всем расстояниям вопреки»)

Торжество времени

*Б.М. СЕРГЕЕВ,
старший преподаватель кафедры рисунка*

Во Владимирском ополье, земле, лежащей на территории, в древности принадлежащей княжеству Владимирскому и бывшей в свое время житницей Древней Руси, есть замечательный старинный город, основанный еще князем Юрием Долгоруким и названным им в честь своего небесного покровителя — Георгия Победоносца. Ныне это совсем небольшой городок, но он, к счастью, за свою полную событий историю ни разу не менял славного имени, данного ему при основании: Юрьев-Польской.

Именно туда в 1471 году приехал из Москвы Василий Дмитриевич Ермолин. Он получил повеление государя Ивана III, недавно женившегося на Зое Палеолог, племяннице последнего императора Византии, героически погибшего на стенах Константинополя при взятии его турками в 1453 году, обследовать рухнувший перед этим в 1445 году собор Св. Георгия, выстроенный князем Святославом Всеволодовичем в 1234 году за три года до нашествия монголов на Русь, и на месте решить, подлежит ли он восстановлению либо нет. Государь не зря послал именно этого выдающегося человека своего времени: зодчего, скульптора, реставратора, всесторонне образованного и впоследствии редактора летописи, названной уже в наше время Ермолинской. Ему надлежало

решить судьбу красивейшего храма земли русской, сплошь покрытого белокаменной резьбой: орнаменты, капители, колонки, рельефные скульптурные образы святителей, мучеников, пророков, евангельские сюжеты. Все это в сочетании с изумительной гармонией и стройностью архитектуры производило незабываемое впечатление. Мы восхищаемся ныне прекрасным храмом Спаса на Нерли, что стоит близ города Владимира — этим чудом гармонии архитектуры и пейзажа, но даже представить не можем, насколько прекраснее был храм, посвященный Св. Георгию в Юрьеве-Польском. И вот все это рухнуло, спустя столетия после создания не выдержали своды. Зрелище груды белого камня среди остатков на треть возвышавшихся южной и части западной стен было тяжелым. Ермолину и работникам

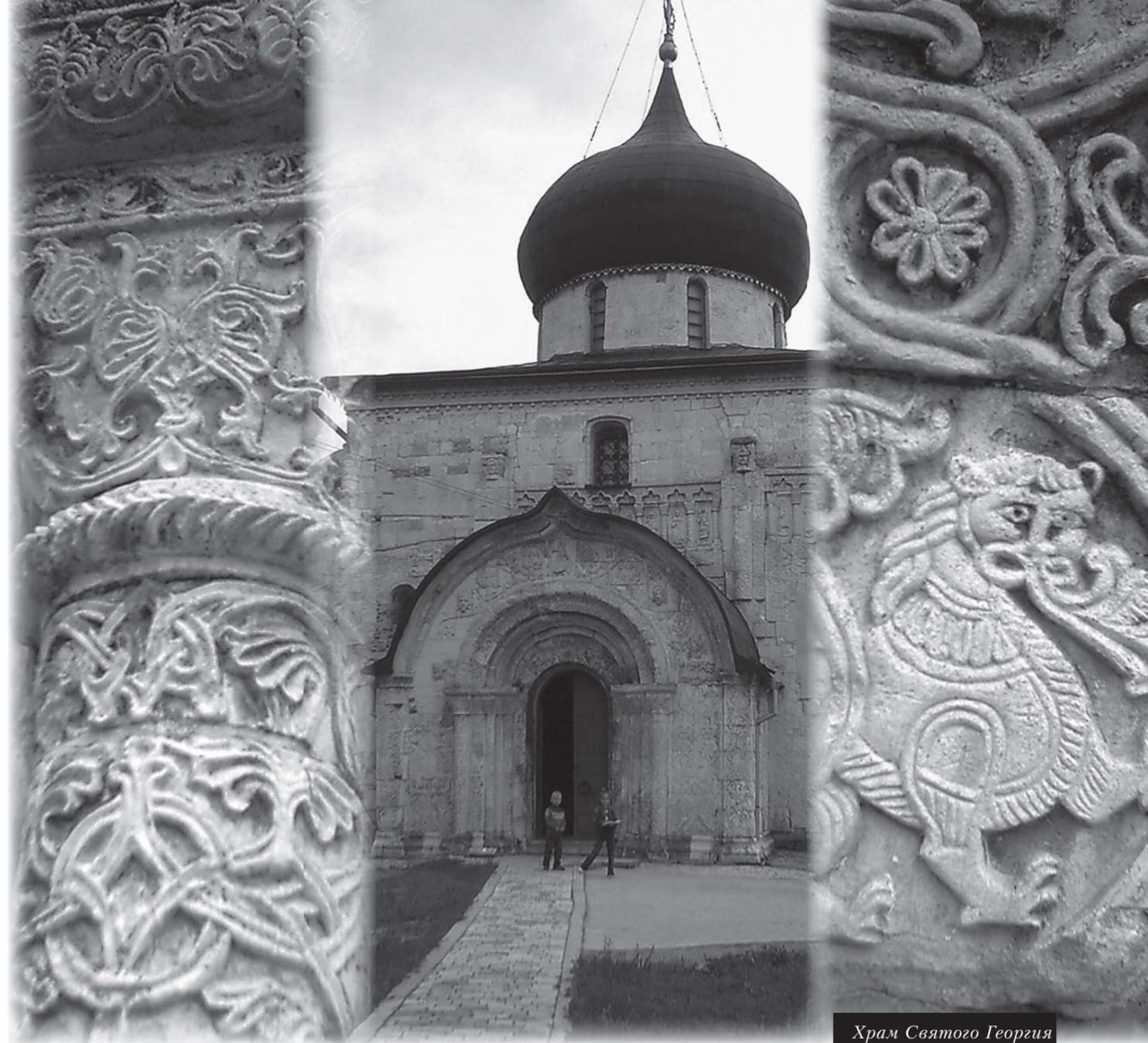
предстояла сложнейшая задача все это разобрать и попытаться хоть как-то то чудо восстановить, что прославило город, да и Землю Русскую, ибо вопрос о воссоздании стал ясен сразу, с первого взгляда на чудесные резные камни. Душа скульптора Ермолина не могла допустить исчезновения этой дивной пластики. Времени было мало, в Москве ждал большой заказ на работы в Кремле, ведь 1471 год знаменит еще и тем, что был окончательно решен вопрос о Новгороде, где в боярской правящей верхушке во главе с Марфой Борецкой проявились изменнические тенденции в виде союза Польшей и Литвой. В результате пришлось послать войско, и в военном столкновении 14 июля 1471 года новгородцы потерпели поражение, тогда республика Господин Великий Новгород лишилась самостоятельности, а

возросшее значение Москвы должно было подтверждаться достойными строительными работами и произведениями, украшающими столичный город. После осмотра руин решено было сохранить все уцелевшие камни и из них собрать храм, пусть и не прежнего облика, но сохранив скульптурные изображения. Клади без разбора композиционных и сюжетных линий, храм выходил приземистый, в два раза ниже, с крупной главой, более скромный, но сохранивший, как обнищавший князь, достоинство каменного царственного убора былого величия. Пребывание Ермолина в Юрьеве-Польском не ограничилось лишь восстановительными работами. В местном музее хранится резное деревянное изображение Св. Георгия, выполненное мастером и во многом аналогичное

каменной скульптуре Св. Георгия на коне, украшавшей некогда в 1464 году Фроловскую (Спасскую) башню Московского Кремля. Позже эта скульптура, при перестройке башни, в нынешнем виде была перенесена в Чудов монастырь в Кремле и пострадала от коммунистов в 1929 году при уничтожении ими монастыря; сейчас в виде фрагментов она находится на хранении в Третьяковской галерее. Храм же, на радость нам, уцелел от разрушения последователями учения о пролетарской диктатуре великого Хама и даже в том виде, что приобрел спустя столетия, напоминает нам, заблудшим в своей собственной стране и забывшим о простой истине, что не может красоты быть без Бога, без любви к земле своей, без стремления ее украсить подобными храмами, словом, без

того, что называется патриотизмом, о котором недавно какой-то популярный субъект по радио вещал, что это понятие пропагандирует ненависть к другим народам, повторяя подлое выражение о том, что патриотизм — это последнее прибежище негодяев. Трудно и противно возражать подобным типам, ибо трудно от того, что они попросту не поймут вас, потому как для этого нужно любить свою страну, ее историю, землю, народ. Противно, что испытываешь чувство брезгливости от общения с вещателями подобных идеек.

Мы приехали в этот небольшой город вечером месяца августа, когда ясное небо, казалось, наполненное мельчайшими пылинками золота, накрывало покоем и миром все окрестности. Как это радостно было нам после пробок Москвы, напряже-

Храм Святого Георгия

На городском валу.
Беседа с В.А. Десятниковым

Святославов крест

Храмы города

Наша группа

Рельефы в соборе

Рельефы на стене храма Святого Георгия

ния дороги. С ожиданием встречи мы подошли к храму и все равно захлебнулись от восторга увиденного. Заходящее солнце, своими лучами окрашивая белый камень охрой, выявляло скульптуру особенно четко. Хаос рельефов, разнотемье соседствующих фрагментов, невероятный ребус, но все же читаемый, узнаваемый, составлял эти стены, по которым как из земли рос, петлял и свивался белокаменный орнамент то ли древа жизни, то ли олицетворения земного, над которым уже сто лет бьются исследователи, пытаясь воссоздать первоначальное. Нынче же это читается как какое-нибудь произведение модерниста, как, например, М. Павича с его удивительными и всегда неожиданными поворотами сюжета. фразами, образами. А глаза искали и соединяли разрозненное в чин Деисуса (вообще-то правильное будет «Деисиса» по-гречески); вот, здесь и там видны фигуры из пророческого ряда, а вот и Троица, и Авраам, принимающий ее, вот фигуры из сцены Вознесения, а здесь в медальонах представлены мученики; узнаем сразу целителей Козьму и Дамиана, и еще, и еще...И тут понимаешь, что храм сам как алтарная преграда, но как бы вывернутая наружу, и все эти изображения мучеников и праведников, заменяющие иконную и фресковую живопись, но не внутри, а снаружи — все это образует преддверие Рая, куда мы осмеливаемся войти, что там, внутри этого храма, и есть Дух Божий, там внутри, где столпы, арки, паруса, купол и апсида олицетворяют мироздание, Царство Божие. И начинаем смутно угадывать идею строителей этого чуда создать в материальном облике образ Рая, Небесного Иерусалима, тогда вдруг осознаешь, что та сила эллинского духа меры и красоты вкупе с великой истиной христианства, что создала в 535 году невероятный храм Св. Софии в Константинополе, впоследствии щедро разлилась по всей русской земле. И не зря замечательный русский уче-

ный-византинист Н.П. Кондаков, осматривая в 1897 году собор, сказал тогдашнему настоятелю, о том что храм Св. Георгия представляет такую великую ценность, что достоин стоять под стеклянным колпаком. Князь Святослав Всеволодович, внук Юрия Долгорукого, основавшего этот город, сумел создать храм, превосшедший все построенное в то время — это отвечало его решительному и честолюбивому характеру, желанию затмить всех красотой его храма, и это удалось совершить. Несмотря на то, что уже через четыре года сюда ворвались монголы с их варварскими погромами, а затем, столетия спустя, столь же варварски и бесчеловечно орудовали поляки с бандами запорожцев, собор, до этого переживший обрушение и восстановленный, хотя и не в прежней красоте, этот собор, уцелевший даже в невиданные прежде по жестокости гонений на христианство времена господства коммунистов, ныне может пострадать безвозвратно от рук так называемых реставраторов. Понеже обходя вокруг него, мы увидели строительные леса и камень стен — какой-то уж белый и слишком чистый до неприятности. На уровне головы я обнаружил, что он чем-то покрыт, а слой чуточку отходит. Отковырнув пальцем этот кусочек, мы с ужасом увидели, что камень под ним сыплется, а ведь они, реставраторы, как видно, собираются покрыть этим слоем весь храм. Я скульптор и знаю, что камень должен дышать, особенно известняк, из которого сложен храм, его, нельзя чистить, ибо известняк обладает свойством самоукрепления своего внешнего слоя под воздействием времени. Если этот слой не нарушать всякой якобы чисткой, то он будет стоять долго, иначе камень ослабнет и ничто уже его не спасет. Аналогичный и, к сожалению, очень печальный пример произошел со скульптурой в Дрездене, на здании Цвингера, где расположена знаменитая картинная галерея и где снаружи очень много прекрасной барочной

скульптуры из песчаника. Году в 1978-м я шел по верхней террасе Цвингера, любовался скульптурой и вдруг не поверил своим глазам: рабочие с немецкой аккуратностью старательно очищают почерневшие от времени и копоти скульптуры до свеженького и красивенького первоначального охристого цвета. Но это же песчаник, а его, как и известняк, нельзя трогать, нарушая отвердевший внешний слой. Подойдя к ним и, слава богу, владея немецким языком, я стал спрашивать, понимают ли они, что делают непозволительное, но в ответ услышал, что так надо и что теперь будет красиво. Три года спустя я вновь приехал в свой любимый Дрезден (как никак прабабушка оттуда родом, да и друг у меня там) и пойдя, как обычно, на свидание к скульптурам в Цвингер, увидел зрелище ужасающее: их сожрал, как будто грызло какое-то животное, скверный в то время воздух города. Обгрызенные смогом руки, ноги, туловища и головы статуй — это был результат безграмотности реставраторов. В случае же с храмом Св. Георгия может быть похоже, если не хуже, так как камень, покрытый составом, не дающим нормально дышать, а это мы как раз и обнаружили, так вот, этот камень начинает гнить от конденсата, который образуется между слоем и камнем, да еще предварительно почищенным. Великая беда нашего времени, когда кругом стали заправлять непрофессионалы, хваткие и агрессивные, профанируя все вокруг и собираясь в гибельные для нас и страны стаи. Недоучки и троечники занялись архитектурой, культурой, экономикой, образованием, и в этот печальный поток попала и реставрация, как всегда зависящая от денег; а тут пришел человек с Рублем и стал по своим понятиям указывать, что и как надо делать, и вот уже произошла монетизация совести и профессии. Но все это пришло к нам потом, а пока мы ходили вокруг уже утром следующего дня, когда, наконец,

открылись двери, вошли внутрь, то там нас ждали неменьшие радости и откровения от увиденного знаменитого распятия из камня, что было создано на десять лет раньше собора в 1224 году, а также от частей с рельефами, что не вставлены были в стены воссозданного В.Д. Ермолиным храма. Увидели мы деисусный чин, по стилю очень похожий на рельефы, виденные нами в Стамбульском археологическом музее в великолепном византийском отделе, где множество каменной пластики показывает истоки чуда, коим мы любовались ныне. И быть может работали здесь мастера из захваченного перед этим в 1204 году и ограбленного дочиста крестоносцами Константинополя по заказу Венеции и убежавшими от европейских варваров на Русь, еще не зная, что всего через тридцать три года погибнет артель этих дивных мастеров под стрелами и мечами других варваров, но уже с востока, от свирепых монголов. Потому что не создаст больше никто подобных рельефов, не останется, кому их вырезать в камне, да и смотреть некому будет, так как лежать земле Русской в пепле городов с декабря 1237 года, когда погибла взятая после жестоких штурмов Рязань, а потом и еще 49 городов русских. То, что принимали участие в украшении собора мастера из Византии, вряд ли подлежит сомнению, ибо сложно предположить мгновенное появление на Руси мастеров такого класса из ничего, либо надо признать, что подобные мастера были всегда, но тогда должны быть свидетельства их творчества, и мы, конечно, можем непременно указать на пластическое украшение владимирских соборов. Но здесь-то как раз и видны истоки этой пластики, как византийские, так и северо-итальянские в сочетании с русскими мастерами, которые несомненно принимали участие в создании и украшении этих храмов. И это не в укор таланту нашего народа, но в свидетельство его умения принять, впитать и творчески переосмыслить все лучшее, то

качество, в результате которого казалось великое русское государство, столь же великая культура русская и также этот чудный собор, где мы, упорно оглядывая его стены, вновь и вновь пытались сложить ряд мысленный из святых князей и воинов, опять отыскивали фрагменты из Вознесения, собирали пояс, состоящий из фигур грифонов, львов, барсов или пардусов; отыскивались еще новые детали из Преображения, ряд херувимов с ликами в обрамлении крыльев и ряд масок, выстраивались пророки со свитками в руках, množились медальоны с мучениками с крестами в руках, и становилось ясно, что без умения компьютерного здесь уже не обойтись и что надо приезжать сюда еще раз и снимать еще и еще хорошей аппаратурой, потому что такое чудо, которое хотя и описывали, и исследовали такие замечательные специалисты, как Г.К. Вагнер, Н.Н. Воронин, В.Н. Лазарев, В.А. Десятников, с которым мы как раз и осматривали его нынче, но недопустимо мало кто, кроме специалистов, пожалуй, и знаком; а ведь это наше величайшее достояние, и должны быть о нем роскошные альбомы и книги, быть может, фильмы, но ничего нет такого, что послужило к чести и гордости за наш народ и его культуру. А жаль. Вопрос остался все так же много. Из летописного свидетельства известно, что князь Святослав Всеволодович в 1230 году разрушил церковь, прежде поставленную его дедом Юрием Долгоруким при основании им города, и стал строить новую, что дошла до нас; но существующие различия, и очень подчас большие, в стилях скульптурного декора собора наводят на мысль, что при этом частично были использованы и рельефы прежнего храма в пластическом оформлении существующего. Также при осмотре декоративного узора, покрывающего стены, возникает предположение о создании некоторых из них мастерами, приехавшими с В.Д. Ермолиным при восстановлении, так как проследи-

вается близость их исполнения с московским стилем; особенно это касается изображений некоторых грифонов и различных существ в орнаментальных виньетках, но только некоторых. Г.К. Вагнер в своих исследованиях назвал нам имя главного мастера Георгиевского собора — Бакун. Конечно, здесь также работали и другие резчики, и откуда они родом, сейчас можно только предполагать. Но то, что работали мастера как в русле византийской традиции, так и в то же время есть своеобразная переключка и со скульптурным декором Северной Италии, как, например, церковь Сан-Дзено в Вероне или работы мастера Вильгельмо в соборе Модене. Нам сейчас трудно представить скульптурный декор храмов Константинополя, хотя существующие фрагменты, что находятся в Стамбульском археологическом музее, позволяют говорить о том, что он был, как и найденные фрагменты витражей при раскопках свидетельствуют о том, что витражное искусство не является присущим исключительно Западной Европе, гораздо раньше оно было известно в Византии. Но, должен повториться, уровень мастерства исполнителей рельефов храма Св. Георгия говорит о том, что это были авторы, опытные в работе с камнем, превосходно владеющие композицией, знакомые с имевшимися уже образцами, как на Руси, так и зарубежными. В то время Русь активно сотрудничала и политически, и посредством торговли практически со всеми странами Востока и Запада. Конечно, также были тесными и культурные контакты: приезжали мастера, работали, делились опытом, сами также учились, потому как без этого не бывает полноценного творческого обмена. И только в результате такого сотрудничества могло появиться чудо, именуемое собор Св. Георгия в г. Юрьеве-Польском.

КРИЗИС ПО-ПЕТЕРБУРГСКИ

КУЛЬТУРЕ ПЕТЕРБУРГА КРИЗИС НЕ СТРАШЕН, НЕ ПРАВДА ЛИ?

М.Н. ДРОБЫШЕВА,
доцент кафедры теории и истории культуры

Экономический кризис стал объективной реальностью. Повсюду, изо дня в день, о нем говорят и по телевидению, и по радио, и на страницах газет и журналов, и на различных мероприятиях, открывая театральные, музыкальные, кинематографические фестивали или иные культурные события. Одни говорят с иронией, другие — неохотно, стараясь перевести разговор на другую тему.

Марина Дробышева

Кризис в переводе с греческого — перелом, поворотный момент, а на китайском языке это слово означает и «опасность», и «шанс». Быть может, у каждого появится шанс обновить какое-либо производство, построить карьеру, найти себя, вырваться вперед, к успеху. В период кризиса, как отмечают аналитики, формируются и положительные черты: высокопрофессиональные и талантливые специалисты в любых областях становятся сильнее, востребованнее, а менее сильные, ленивые, живущие часто за счет других, слабеют и уходят с «рынка образовательных услуг», чем заметно облегчают жизнь истинным профессионалам.

Кризис коснулся и высшей школы, и нашего университета. Для многих выпускников после получения дипломов возникает вопрос, где работать, как начать жить, став дипломированным специалистом. Хотя губернатор Санкт-Петербурга В.И. Матвиенко пообещала, что правительство максимально оградит науку и образование. «Нам нужны молодые таланты, в том числе в инновационной сфере, и мы делаем все, чтобы большинство выпускников были трудоустроены. Это будущее города, это наши приоритеты», — сказала губернатор. Весь мир продолжает бороться с экономическим кризисом. Вот и Петербургский форум, который в тринадцатый раз проводился на территории Ленэкспо, был ему посвящен. В повестку дня были внесены вопросы поиска выхода из затяжного глобального кризиса. Ведущие мировые экономисты и эксперты собрались обсудить эффективность предпринимаемых антикризисных мер. Президент Российской Федерации Д.А. Медведев на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума отметил: «Любой кризис — это разочарование. Но любой кризис не должен подвергать сомнению самоценность свободы и востребованные современным человечеством демократические, культурные, экономические ценности, ценности, которые рождались в очень трудной борьбе и которые всеми нами завоевывались на протяжении столетий».

По мнению художественного руководителя Мариинского театра Валерия Гергиева, который принимал участие в Петербургском международном

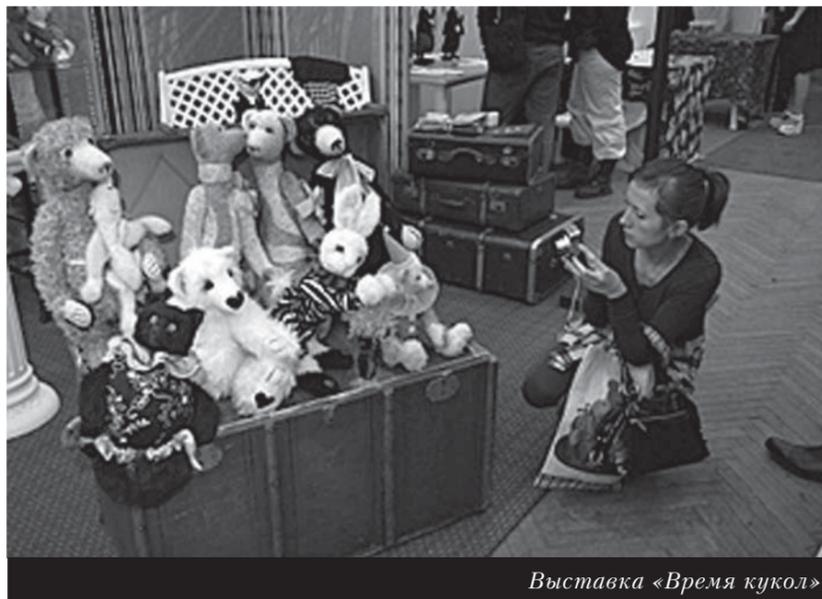
экономическом форуме, кризис — «это проба на прочность для всех, в том числе и для деятелей культуры. Я бы не пугался чрезмерно последствий этого кризиса, но готовым надо быть к тому, что все, что казалось естественным и простым два года назад, может на какое-то время вызвать определенные трудности и даже вообще стать едва ли не невозможным. Мы должны идти вперед за счет, может быть, более умных, точных, выверенных движений». Сегодня, невзирая на кризис, учреждения культуры стремятся сохранить сложившиеся традиции, и в сезон белых ночей в Санкт-Петербурге проходят различные фестивали. Это XVII международный фестиваль искусств «Звезды белых ночей», ставший кульминацией концертного сезона, в программе которого в течение почти двух месяцев звучат все симфонии и сцены из оперы «Фиделео» Бетховена, концертное исполнение «Троянцев» Берлиоза, выступление знаменитого оркестра Мюнхенской филармонии под управлением Кристина Тилеммана, а также октета Берлинской филармонии, спектакль финской национальной оперы «Красная линия»; возобнов-

ляется балет «Шурале» — один из самых популярных балетных постановок Леонида Якобсона, исполняется «Кольцо Нибелунга» Р. Вагнера в обновленной сценической версии. В июне состоялись и другие события, такие как XIV международный фестиваль «Музыкальный олимп», III международный хоровой фестиваль, X международный фестиваль детских и юношеских театров «Радуга», VII международный фестиваль «Романтическая труба» 2009 года, XVII международный фестиваль «Дворцы Санкт-Петербурга», IV международный фестиваль «Музыкальная коллекция», VIII международный танго-фестиваль «Танго белых ночей», XVI петербургский фестиваль джаза «Свинг белой ночи 2009», международный фестиваль Kukart-IX. На сцене Большого театра кукол и Театра марионеток имени Е.С. Деммени прошел уникальный фестиваль кукольников. Деятелям культуры и искусства удалось провести Второй международный фестиваль «Балканское театральное пространство», хотя приехали театры только из трех стран — Сербии, Болгарии и Румынии. Открылся он спектаклем «Бродячая труппа

Шопаловича» авангардистского белградского театра «Ателье 212». Постановку пьесы Любомира Симовича осуществил известный словенский режиссер Томи Янежич. Театр «Ателье 212» возник в 1956 году в маленьком зале старого издательства газеты «Борба», где режиссер Мира Траилович собрала группу талантливых актеров, режиссеров, писателей и музыкантов. В репертуаре театра были спектакли «В ожидании Годо» Беккета, ставились драмы Сартра, Фолкнера, Ионеско, Камю, Жари, Витрака, Жене. Спектакль «Бродячая труппа Шопаловича» посвящен судьбе сербских актеров во время Второй мировой войны, немецкой оккупации, когда рядовым жителям, казалось бы, было не до театрального искусства. Спектакль Т. Янежича воссоздал атмосферу былого, которое созвучно своим трагизмом сегодняшнему дню. Спектакль закончился, но сразу же в большом фойе Балтийского дома раздались зажигательные балканские ритмы, под звуки труб и аккордеона зрителям хотелось пуститься в пляс. На Втором фестивале можно было увидеть спектакли Драматического театра им. М.О. Масалитинова

(Пловдив, Болгария) «Взгляды одного учителя на болгарское народное творчество», Национального театра им. Маина Сореску (Крайова, Румыния) «Стулья» Ионеско, «Двенадцатая ночь» Шекспира. В рамках фестиваля состоялся круглый стол «Фестивальное движение России и Балкан. Перспективы сотрудничества», на котором выступили Милан Врачар (Словения), Мирче Корништяну (Румыния), Борислав Чакинов (Болгария), Сергей Шуб (генеральный директор Театра-фестиваля «Балтийский дом»), приняли участие директора петербургских фестивалей, театральные критики, балканисты, продюсеры. Второй фестиваль познакомил зрителей с режиссурой балканских театров новой волны, современной драмой и актерским мастерством, став одним из интересных культурных событий Петербурга.

В дни белых ночей Санкт-Петербурга собрались и лучшие художники со всего мира на выставке «Время кукол №3». Новые коллекции авторских кукол и мишек «Тедди», так необходимых нашим детям не только из разных регионов и городов России, но и из Италии, Германии, США, Швейцарии, Бельгии, Нидерландов, Канады, Франции, Японии, Финляндии, можно увидеть в выставочном центре Санкт-Петербурга в Союзе художников. В июне и декабре прошлого года в Санкт-Петербурге уже можно было посетить подобную выставку «Время кукол №1 и №2». Эти выставки организованы совместно с Общероссийской общественной организацией — центром по оказанию помощи детям-инвалидам с нарушением опорно-двигательной системы в целях обеспечения равного доступа к культурным ценностям для всех социальных групп. На выставках, наравне с профессиональными художниками, выставляются «медведи», выполненные совсем юными авторами, занимающимися созданием всеми любимой игрушки — плюшевым мишкой. «Все лучшее — детям», — так полагает Валерий Гергиев. Я был бы одним из самых счастливых руководителей, которые работают на культурном пространстве России, если бы мог адресовать нашу творческую работу прежде всего школам и вузам Петербурга. В период кризиса стоит подумать о том, что еще больше внимания

Выставка «Время кукол»

уделять воспитательным, образовательным задачам. И на это сегодня направлены если не все, то многие из моих усилий и размышлений».

А вот XVII российский кинофестиваль «Виват, кино России!» поистине стал подарком для 20 тысяч зрителей, которые бесплатно смогли побывать на 56 фильмах (среди них — 21 новая лента). Фестивальные премьеры проходили в 9 кинотеатрах города при участии создателей фильмов и любимых артистов. На просмотре фильма «Стиляги» режиссера Валерия Тодоровского артист Леонид Ярмольник был приятно удивлен встречей с группой курсантов, которые снимались в массовых сценах картины. В программе фестиваля впервые появилось и новое начинание — мастер-классы мэтров отечественного кино. В Университете кино и телевидения народный артист СССР Эльдар Рязанов открыл серию таких бесед и был горячо встречен студентами и преподавателями. На торжественной церемонии закрытия в Мюзик-холле режиссер-постановщик, народный артист России Владимир Бортко получил Гран-при за фильм «Тарас Бульба». Людмила Томская, генеральный директор, всегда вкладывает много сил в то, чтобы кинофестиваль посетило много зрителей.

Прошлым летом мне удалось побывать на Международной конференции в городах Сплите и Дубровнике, посвященной 500-летию Марина Држича, дубровницкого драматурга, поэта, автора пасторалей и комедий середины XVI века.

Последний раз я была в этом удивительном городе уникальной славянской цивилизации в 1990 году. Все это время я мечтала оказаться вновь среди великолепных архитектурных построек эпохи Ренессанса, побродить по маленьким улочкам, где жил и творил Марин Држич, мысленно представить, как разыгрывались его пьесы в дворцовых интерьерах и внутреннем дворике княжеской резиденции. Мне хотелось побывать в главном кафедральном городском соборе, маленьких церквях и в садике францисканского монастыря, постоять у Большого фонтана Онуфрио де ла Кава, вокруг которого, по преданию, танцевали вилы — прекрасные девушки с распущенными волосами, героини славянского фольклора. К сожалению, меня ожидало разочарование. Сегодня Дубровник стал индустрией туризма. Он превратился в большую гостиницу, на каждом углу — кафе, рестораны, сувенирные магазины. Здесь нет жизни, дома опустели. Знакомая мне семья дубровчан, когда-то жившая в одном из домов, была вынуждена покинуть свои родные места. Везде толпы туристов, всё на продажу и подчинено ей. Капитализация все поглотила, утрачивается нечто первозданное, необходимое человеку, завоеванные культурные ценности. Накануне я побывала в городе Сплите на выставке современного искусства, организованной известным художником Матко Треботичем. Основное направление выставки — протест, воплощенный в плакатах, инсталляциях, картинах против

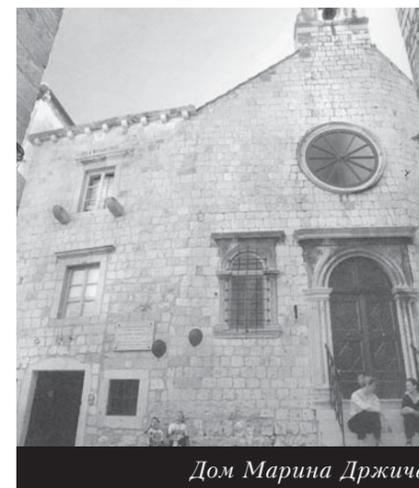

Дубровник

капитализации, против современной бездуховности и нравственной глухоты. Матко Треботич говорил мне, что они с группой художников борются против капитализма. Вначале у меня было некоторое недоумение: он — владелец особняка на Адриатическом побережье в Сплите — сегодня, сидя на террасе, пьет чай и рассуждает об этом. Но когда я побывала в Дубровнике и воочию ощутила то, что там происходит, сопоставив с тем, что увидела на выставке, для меня многое прояснилось, стал понятен протест художника. Быть может, для многих ситуация в Дубровнике станет предостережением, чтобы и наш город, в особенности его исторический центр, никогда не превратился в подобный музей индустрии туризма.

О туризме размышляет и Валерий Гергиев: «Туризм — хорошо, но это не главное, туристический бизнес остается одним из главных способов улучшения финансового положения театра, но это не то, чему стоит посвящать самые серьезные усилия».

Этот кризисный год стал знаковым для российских культурологов. II российский культурологический конгресс «Культурное многообразие: от прошлого к будущему» прошел при вдумчивой, высокопрофессиональной организации нашего Герценовского университета, его ка-

Дом Марина Држича

Валерий Гергиев

Спектакль «Бродячая труппа Шопаловича» авангардистского белградского театра «Ателье 212»

федры теории и истории культуры. Российский культурологический конгресс объединил отечественных и зарубежных исследователей в области культурологии и смежных научных дисциплин, педагогов и практиков-организаторов культурной деятельности, а также экспертов в области социокультурных проектов и программ. Тема конгресса прямо соотносена со стратегиями ЮНЕСКО в области культурного разнообразия и культурной политики в условиях глобализации. Усилия участников конгресса были направлены на сохранение материального и нематериального наследия как классической культуры, так и народных традиций, и придание им нового импульса в контексте формирующейся на наших глазах глобальной цивилизации, на развитие творческого потенциала как нации в целом, так и отдельных художественных коллективов и сообществ, совершенствование национально-культурной политики в направлении межкультурного диалога, воспитание толерантности в условиях интенсификации миграционных процессов, поддержки творчества и инноваций.

2009 год назван Годом молодежи. Темой III собрания научно-образовательного культурологи-

ческого общества (НОКО) стала «Современная молодежь в зеркале культурологических исследований и проблема ее идентичности». Собрание открыл президент НОКО, проректор по учебной работе РГПУ им. А.И. Герцена, доктор филологических наук, профессор С.А. Гончаров. Впервые в рамках собрания прошла герценовская школа практической культурологии, задуманная в качестве центра по обмену опытом практической деятельности и жизненной активности на основе культурологического знания и культурологического образования.

О кризисе сегодня размышляют социологи, педагоги, деятели культуры и искусства, журналисты, ученые. Многие считают: чтобы выжить, недостаточно быть хорошим специалистом. Нужно быть лучшим. Как мы видим, несмотря ни на какие финансовые трудности, театрально-культурная образовательная жизнь в Санкт-Петербурге остается интенсивной и насыщенной событиями. Праздник жизни продолжается. Ведь кризис во многом в наших головах, поэтому образование, постижение своей профессии, усовершенствование своих качеств важнее всех финансовых невзгод.

Исторические параллели

Человек человеку — брат

Б.М. СЕРГЕЕВ,

старший преподаватель кафедры рисунка

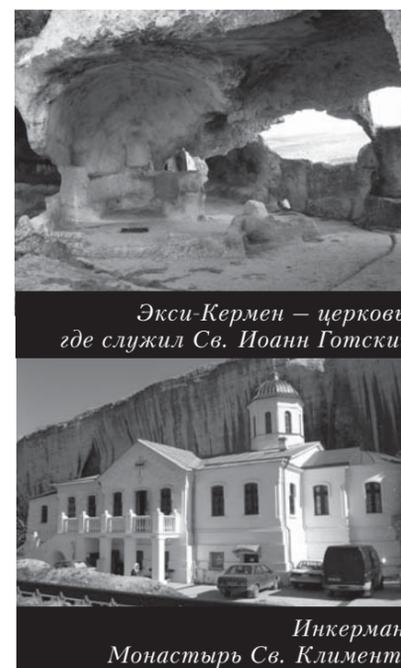
В 101 году мимо высоких, сложенных из местного известняка белых стен города Херсонеса плыла лодка. Людей, что в ней были, объединяла предстоящая смерть одного из тех, кто находился среди них. Пожилого человека со спокойными глазами, седыми курчавыми волосами на голове и округлой бородой звали Климент.

В свое время он был епископом города Рима, третьим по счету после апостола Петра, казненного в Вечном городе одновременно с апостолом Павлом при императоре Нероне, который был известен своими жестокими гонениями на христиан. Когда-то Климент был встречен Св. Петром во время во время своих странствий и, сделавшись учеником апостола, стал верным спутником и помощником в проповеди христианства. Позднее жизнь его обросла множеством легенд и могла бы стать источником увлекательнейшего романа; но как не жалко расставаться с этими чудными историями, а приходится признать, что известно нам о нем не так уж много: что был он учеником апостола Петра, епископом (папой) Римским, как уже известно — третьим по счету, был сослан по приказу императора Траяна в ссылку в Крым, в инкерманские каменоломни, находившиеся под Херсонесом. Здесь, в конце длинной бухты, в которую впадает речка, носящая ныне название Черная, среди обрывистых скал издавна

добывали камень для строительства городских зданий, стен, храмов. Работа была тяжелая, пыльная, палящий зной летом и холодный воздух зимнего времени быстро сокращал течение жизни сосланных, потерявших всякую надежду людей. И проповедь христианской любви и утешения, которую вдруг принес сюда бывший Римский епископ, нашла отклик в их душах и поселила неожиданную вдруг радость посреди, казалось бы, беспросветного существования, пыли, камней, бичей надсмотрщиков. Забытые, приниженные и отчаявшиеся узники вдруг стали внутренне свободными людьми, стали иначе относиться друг к другу, состояние «человек человеку — волк» исчезло, глаза просветлели, послышалось слово «брат». Этого римские власти стерпеть не могли, ибо рушился сам принцип наказания. Присланный из столицы приказ был короток: «Нарушителя порядка подвергнуть казни». Было решено утопить каторжника Климента в море. И вот, лодка с находившимися в ней людьми обогнула очередной мыс, оставив город за спиной, повернула

Верхняя Ореанда

Инкерман. Монастырь Св. Климента

Св. Иоанн Готский

налево в бухту и остановилась возле небольшого островка. Палачи взяли якорь, представлявший в те времена камень слегка трапециевидной формы с отверстием в сужающейся части, продели сквозь нее веревку, а другой конец петель закрепили на шее осужденного. Климент встал у борта, и через мгновение якорь увлек его в глубину. Представитель императора облегченно вздохнул и велел быстро грести к берегу. Но радость была напрасной, ибо сказано, что на костях мучеников стоит церковь, почитание Св. Климента началось уже вскоре после казни и продолжалось последующие столетия. И вот наступил год 670-й, когда в Херсонес из Константинополя с поручением от императора прибыли братья Константин по прозвищу Философ и Мефодий для проповеди среди хазар. Перед этим они решили найти мощи Св. Климента на том островке, возле которого он был утоплен и где, по преданию, они были положены. Братьям действительно удалось обрести мощи Св. Климента и во главе большой процессии, причалив к берегу, они торжественно, через Западные ворота, входили в город.

2008 год, октябрь. Наша небольшая группа стоит возле остатков этих самых Западных ворот Херсонеса. Мысленно мы видим эту процессию, как она втягивается с пением в улицу, подходит к стоящей совсем рядом базилике Св. Созонта. Вот они перед нами, остатки стен, вот этот мраморный порог, через который они переступили, вот центральный неф, куда поставили ковчег с мощами и где была проведена служба святому мученику. Затем процессия трогается дальше, к центру города, идет по главной улице, вдоль кото-

рой стоит народ, мимо белых стен домов, крытых красной черепицей, затем поворачивает в боковую улицу налево и выходит к главному храму города, воздвигнутому в честь Св. Софии (правда, есть и иная версия, что возведен храм был в честь апостола Петра). Пройдя сквозь арку ворот и оставив справа баптистерий — городскую крещальню, процессия останавливается возле ротонды с большой мраморной для святой воды чашей-фиалом. Через некоторое время хор певчих уже гремит под крышей трехнефной базилики, епископ с братьями вносят мощи в небольшую апсиду справа от алтаря, которая спешно была пристроена для этого торжественного действия. Отныне Св. Клименту, его мощам надлежало находиться здесь. Константин и Мефодий пробыли в Крыму около двух лет и, помимо проповеди у хазар в их здешней ставке Фуллы, что ныне иногда идентифицируется со Старым Крымом, недалеко от Феодосии, занимались дальнейшим изучением славянского языка, знакомясь с их письменностью, а также с письменностью германского племени готов, пришедших в Крым еще в третьем веке с берегов Балтики. Уезжая отсюда, будущие просветители славян взяли с собой часть мощей Св. Климента и увезли их на Мраморное море, в Полихрониев монастырь, где в тиши, нарушаемой лишь шумом волн да звуками молитвенного пения, создали славянскую азбуку, перевели на язык, коим мы пишем и говорим, Евангелие и, отправившись с мощами и этим славянским Евангелием в Рим, были торжественно встречены в воротах города тогдашним папой Адрианом II. Мощи Св. Климента были положены в церкве

Сан-Клементе, что стоит и поныне на месте дома, где когда-то жил святой, и прекрасные старинные мозаики радуют глаза и душу входящих в этот храм. А Евангелие на славянском языке торжественно было внесено в собор Св. Петра и освящено на престоле храма самим папой. К всеобщему сожалению, Константин Философ в скором времени умер и, приняв перед смертью монашество, был наречен именем Кирилл. Погребен Св. Кирилл в церкви Св. Климента в Риме. Дело дальнейшего просвещения славян продолжил его брат — Св. Мефодий.

Но вернемся в Херсонес, где в апреле 989 года жители срочно укрепляют и без того неприступные стены, воины дежурят на башнях, наготове копыя, стрелы, камни... Причина всех этих приготовлений — русский князь Владимир, что со своими воинами осадил Херсонес. Язычник, почитатель страшного Перуна, которому приносятся человеческие жертвы, обладатель целого гарема, изнасиловавший беременную жену своего убитого брата чуть ли не на его трупе, требует теперь себе в жены сестру императора Василия II, прозванного позже за удачливость в сражениях «болгаробойцем». И она, христианка, должна стать наложницей язычника? Никогда, пусть вначале примет святое крещение и откажется от своих варварских обычаев, а дальше посмотрим. Месяцы осады не дают результата, город по-прежнему неприступен. А ведь Владимир должен выполнить союзнические договоренности с императором. Ведь не просто так пришел он сюда и не объявлял войну русский князь ромеям, но вернуть мятежный город под власть императора необхо-

Мыс Фиолент

димо. А мятеж был нешуточный, ибо прославленный полководец Варда Фока с большой армией захватил всю Малую Азию (ныне — территория Турции), и пришлось обратиться к князю киевскому за помощью. Отряд в шесть тысяч русских воинов спас власть императора 13 апреля 989 года в решающей битве у города Абидос. И поэтому у Владимира не было другого выбора, как взять мятежный город. Вернуться восвояси значило опозориться перед дружиной, а может и лишиться власти, ведь князь-неудачник не нужен никому. А значит надо упорствовать в осаде, но город-то неприступен. И Владимир объявляет: если возьмет город, то крестится вместе с дружиной. И тут происходит невероятное: греческий священник Анастасий, один из оставшихся верных императору, пересылает со стены записку с советом перекрыть тайный водопровод, тогда город сдастся на милость победителя. Так и было сделано. Оставшись без воды, город сдался, не испытав обычных при штурме ужасов убийств и грабежа, долгожданная невеста из Царьграда прибыла, князь принял крещение, чудесно исцелившись от постигшей его внезапной слепоты, крестилась и его дружина. Владимир, женившись на принцессе ромейской Анне, взяв с собой главу Св. Климента, отбыл в Киев, население которого вскорости приняло крещение в водах Днепра. Вместе с группой греческих священников в Киев с князем прибыл и тот самый Анастасий, можно сказать, спасший город от взятия и разгрома и содействовавший крещению Владимира.

В настоящее время глава Св. Климента находится в Киево-Печерской Лавре, среди прославленных мироточащих глав. На месте, где были каменоломни, в Инкермане возник монастырь, и сейчас частица мощей Св. папы Климента хранятся в храме монастыря. Но не только этот папа Римский имел отношение к Херсонесу. Арестованный и тайком вывезенный сюда из Рима по приказу императора Константа II, бывшего сторонником ереси монофизитской, непримиримый противник этого заблуждения, папа Мартин Исповедник в 655 году был вначале приговорен к смерти по обвинению в измене, а затем, помилованный, брошен в тюрьму, где и скончался. Сохранились его послания, написанные из заточения, исполненные верой в победу истины и увещающие стоять в вере, правде. Эти послания переписывались и расходились по всей империи, помогая обрести истину растерянным людям и укрепляя стойких в сопротивлении неправде. После кончины Св. Мартин был погребен здесь же, в Крыму, на тер-

Монастырь Св. Георгия, настоятель о. Савватий

ритории Влахернского монастыря, в храме, посвященном Богородице, и мощи его широко почитались в течение столетий, пока не были вывезены в Рим. Храм этот, вернее остатки его стен, сохранился и до наших дней. Его можно увидеть недалеко от стен Херсонеса, в Карантинной балке.

Мы долго искали этот храм, потому как никто из местных жителей не имел о нем понятия, да, видно, и не интересовался никогда этим вопросом. Хотя и стоит он на достаточно видном месте, и сохранился лучше других древних церквей Херсонеса, но длительное забвение своей истории, намеренно внедряемое пропагандой атеизма, сделало свое губительное дело, люди забыли о великих делах минувшего. А ведь это только малая часть из многих историй, что вспоминаются, когда бродишь по развалинам Херсонеса, и рассказывать об этом можно много и долго; но нам нужно было ехать дальше, в горы Крыма, где находится множество скальных храмов, монастырей, городов. Перед поездкой мы готовились увидеть эти места, читали, просматривали карты. Но то, что открылось нам, поразило большим сходством с Каппадокией, областью нынешней Турции, где когда-то, во времена Византии, расцвела оставившая великое наследство духовная мысль христианства, давшая множество великих святых, из имен которых достаточно назвать такие, как Св. Георгий, Св. Нина, Св. Василий Великий, Св. Григорий Богослов и Григорий Нисский, Св. Иоанн Русский и Арсений Каппадокийский... В этом замечательном ряду стоит и святой крымской земли епископ Иоанн Готский. В поисках мест, связанных с его именем, мы приехали к подно-

Монастырь Св. Феодора Студита. Вид на долину

жию большой скалы Эски-Кермен, где на вершине обширного плато находился большой город княжества Феодоро, основанного еще готами в III веке, пришедшими в Крым с далекого севера. Вскоре они приняли христианство и стали соседями греков, вместе оборонялись от врагов, а когда насилия явившихся в те места хазар стали невыносимыми, то началось восстание, которое возглавил епископ готский Иоанн. Это было в 787 году. Хазары были изгнаны из крепости, но вскоре Иоанн был выдан им предателями; они посадили его в тюрьму, из которой через некоторое время с помощью верных людей Иоанну удалось бежать и переправиться в Малую Азию, в город Амастриду (теперь это Турция), где он и скончался.

Но не только этим известен Св. Иоанн Готский. Он был выдающимся борцом с иконоборцами и в то трудное время принимал бежавших от преследований и убийств, приходивших по всей империи, людей, сохранивших верность почитанию икон, верность православию, хотя это и было сопряжено с немалым риском для жизни. После кончины мощи Св. Иоанна были перевезены в Крым, на его родину, место, что ныне называется Партенит, у подножия горы Аю-Даг. В Партените сохранились остатки храма, построенного при Св. Иоанне Готском и раскопанного в конце XIX века на территории имени Раевских (еще одно славное имя). На городище Эски-Кермен также сохранился храм, связанный с именем святого, в алтарной части которого в камне вырублено сиденье горнего места для епископа. Свод храма пострадал и обвалился от землетрясения 1935 года, да киношники

Херсонес, вид крещальни

под руководством Ф. Бондарчука, недавно снимая фильм якобы про Афганистан, накидали мусора и бутылки в храм, продемонстрировав свое бескультурье в очередной раз. Но не только древними подвижниками земля Крыма стоит. XX век дал мучеников за веру столько, сколько не было за всю историю христианства, и эту цифру, этот подвиг их мы до сих пор не в состоянии осознать и оценить, как будто все это происходило где-то не у нас и не столь недавно, и что нас это как-то и не касается вроде бы; что либо очерствели душой, либо страшимся узнать, услышать о тех страшных временах, когда вопрос веры был выбором жизни или смерти, выбором, стоявшим так же бескомпромиссно в наше время, как и в древние времена. Особенно ярко увидели мы свидетельство мученичества в Феодосии, когда под утренним солнцем золотом засияли камни башен крепости, стены древних храмов и осветился крест, поставленный недалеко, между крепостной стеной и церковью с фресками работы великого Феофана Грека. Крест, поставленный на месте убийства 7 тысяч человек в 1921 году подручными Бели Куна и Землячки, когда в Крыму было убито свыше 100 тысяч оставшихся и поверивших в посулы ворвавшихся в Крым большевиков офицеров, солдат русской армии, священников и многих людей, попавших под нож революции. Об этих ужасных днях написал свою книгу «Солнце мертвых» замечательный русский писатель Иван Шмелев, потерявший в то время там своего сына, расстрелянного безумными от крови и безнаказанности чекистами. Читайте эту книгу, наверняка, одну из самых пронзительных о тех временах. Читайте, чтобы понять и осознать происшедшее, чтобы

не быть кока-кольным жвачным существом с «дебильником» на ушах, «берущим от жизни все» то убогое, что предложено рекламой. И от этого удивительным и резким контрастом была для нас встреча в скальном монастыре Св. Феодора Студита, что прилепился на стене обрыва с настоятелем о. Дионисием. Их всего двое там, в этом монастыре, и трудно жить в скальной келье, особенно зимой, но в глазах настоятеля, одновременно мудрых и детских, была приветливость и спокойствие, и понимали мы, что вниз он уже не вернется, и соловьи, что стали оглашать ущелье каждую весну после того, как повесили колокола на деревянной стойке-колокольне, уже будут доставлять большую радость, нежели все ухищрения мира. Такая же детская радость была в глазах и у игумена монастыря Св. Георгия, что возле мыса Фиолент, грандиозный пейзаж которого чудной панорамой неожиданно раскрылся перед нами при подъезде к монастырю, основанному еще в VIII веке; но еще в более ранние времена это место связано с именем Св. апостола Андрея Первозванного, по преданию создавшего здесь, в пещере, церковь, сохранившуюся до наших дней, и куда в 1916 году приехал Николай II, причем приехал с семьей совершенно неожиданно, никого не предупреждая об этом. Особенное впечатление произвела на всех удивительная история, когда во время богослужения из пещер, находившихся под скалой, вдруг вышли два затворника, которых никто из монахов не видел; лишь знали, что они там есть, по пище, что им приносили. И эти, с длинными белыми бородами, отшельники, никем не предупрежденные, стояли у храма и, поклонившись вышедшему императору до земли, тихо удалились. Они предугадывали трагическую,

Служба в церкви Трех всадников

мученическую судьбу последнего русского царя. Здесь, на земле Крыма, особенно остро чувствуется связь истории этих мест с историей России, несмотря на совершенно бредовые измышления и попытки киевских нынешних правителей отделить ее от нашей общей истории. Здесь остро ощущается приграничье, и не заметить этого невозможно, как и нельзя не увидеть желания быть с Россией; хотя и чувствуется у жителей Крыма обида на Россию за то, что, как они считают, она их бросила во время развала Союза. Прекрасная земля эта наполнена свидетельствами и античности, и начала христианства, местами проповеди апостола Андрея Первозванного, что был братом Св. апостола Петра, а также памятью о последнем христианском государстве на крымской земле — княжестве Феодоро, которое пало в конце пятнадцатого века после долгой героической осады под ударами турок; и не отсюда ли берет свое начало славная оборона Севастополя в Крымскую войну и в Великую Отечественную? И, стоя в крошечном храме, выдолбленном некогда в куске скалы, что оторвался от нависшего над нами каменного массива, глядя на фреску XIV века с изображением трех святых воинов на конях, вслушиваясь в чудные слова богослужения на церковнославянском языке, языке ангельском, ибо красоты он непередаваемой и никакому переводу на язык современный, обмирщенный и во многом изуродованный, не поддающийся, мы понимали, что народы наши не разделены, пока объединяет их русский язык, пока на одном языке звучат наши молитвы, что произносил перед алтарем молодой священник, как и тысячи таких же, как он, служащих на этой земле.

Акварельные сети

О.В. ШАЮНОВА,
доцент кафедры рисунка

Пленэр — всегда работа художника на открытом воздухе, передача непосредственных впечатлений от природы. Многие современные художники осуществляют поездки на пленэр на протяжении всей своей творческой жизни. Особенно интересны поездки с коллегами по искусству. Эту традицию поддерживают Санкт-Петербургские акварелисты, второй раз приехавшие на летний пленэр в Выборгский замок.

О. Шаюнова «Город с крепости», акварель, бумага, 2008

Единственный на территории России средневековый рыцарский город, основанный в XIII веке, привлекает своей сохранившейся готической архитектурой, скалистыми ландшафтами, разнообразием сюжетов для будущих картин. Viirungi-Linna — прибрежная крепость под покровительством Бога благополучия «Святая крепость» — возникла на перекрестке религий и торговых путей.

Главной достопримечательностью Выборга, его визитной карточкой, является замок. Его основание в 1293 году дало толчок развитию всей территории. В различные периоды истории замок принадлежал военным ведомствам Швеции, России, Финляндии, в течение ряда веков являлся административным центром Выборгского лена, провинции, губернии. И в наши дни замок оставляет неизгладимое впечатление своей величественной красотой, создающей неповторимый силуэт города. Питерским акварелистам повезло: администрация музея разместила их в стенах замка. Часть наружной оборонительной стены оборудована под гостевые комнаты для приезжающих в замок на различные фестивали актеров, музыкантов, художников.

Необходимо отметить, что в течение года в замке происходит множество интереснейших событий и выставок. Два раза в год проходят традиционные красочные рыцарские турниры, собирающие сотни участни-

ков и зрителей из различных регионов страны. Также проводятся Дни национальной культуры народов мира, кельтский фестиваль, музыкальный фестиваль «Серенады Выборгского замка», церемония закрытия отечественного кинофорума «Окно в Европу». Летом 2008 года в стенах замка экспонировалась выставка «Акварельные тени Выборгского замка». Работы для этой выставки были написаны во время пребывания петербургских акварелистов на пленэре в Выборге.

Расположившись в таком историческом месте, можно писать картины, не выходя из комнат: из окон замка открывается прекрасный вид на внутренний двор крепости, строения и башни, а внутри цитадели каждый нашел для себя множество выразительных сюжетов для написания этюдов и создания картин. Так появились «Внутренний дворик», «Лабиринт» Анжелики Калининой, «Крепостные стены», «Руины» Нины Поповой.

Внимание художников привлекали наружная оборонительная стена башни, особенно Райская, главные замковые ворота, дорога к которым идет через ров, дом наместника — ныне Комендантский дом, в котором находится Администрация музея. Главная башня — донжон — названа именем норвежского конунга Олафа Святого, утвердившего христианство в Скандинавии и канонизированного после гибели. В главной башне почти на 50-метровой высоте располагается

смотровая площадка, с которой мы и начали знакомство с городом. В хорошую погоду с нее открывается волшебный вид на город, залив и окрестности.

Изображения городской набережной, Сайменского канала чередуются у петербургских акварелистов с видами на старинный замок, башню Олафа, окружающую замок мощную стену с бастионами, внутренними арками, лестницами, переходами и лабиринтами. Атмосфера средневекового замка, возможность наблюдать его ранним утром, солнечным днем, поздним вечером завораживала художников и давала пищу фантазии. Казалось, что сейчас за поворотом мелькнет рыцарь в доспехах или в узком окне появится силуэт Прекрасной Дамы. Об этом — акварели «Замок. Тени», «Встреча. Август» Юрия Шевчика, «Привидение» Валентины Левановой.

Александр Федоров свои впечатления о Выборге выразил в триптихе «Выборг: метаморфозы времени». Он также провел мастер-класс для учащихся художественной школы, на котором поделился своим многолетним опытом работы акварелью. Рассказами о рыцарских турнирах и посещением их исторической реконструкции вдохновилась при работе над выборгской серией Наталия Зива. «Былые времена», «Перед походом», «Мираж», «Стародавние времена», «Торжественный выезд рыцарей из замка» — названия работ говорят сами

О. Шаюнова «Выборгская крепость», акварель, бумага, 2008

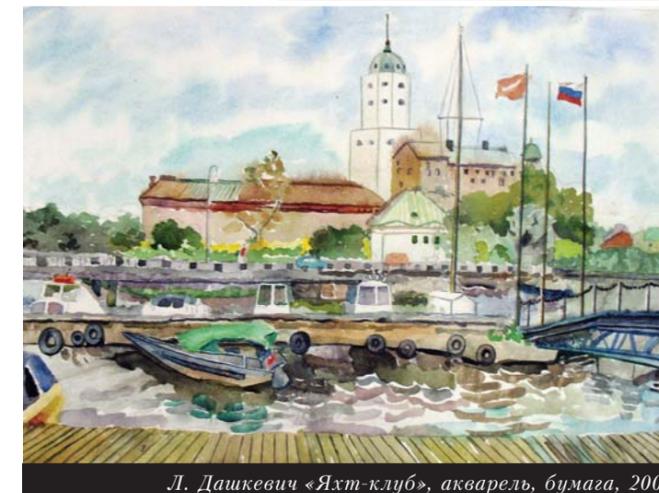
А. Калинина «Полдень», акварель, бумага, 2008

Н. Зива «Былые времена», акварель, бумага, 2008

Н. Герман «Старый город», акварель, бумага, 2008

Л. Дашкевич «Яхт-клуб», акварель, бумага, 2008

за себя, а акварель «Рыцари перед замком» стала лейтмотивом выставки 2008 года, попал в афиши и рекламные буклеты, поскольку точнее всех отразила тему экспозиции.

Запоминающиеся акварельные работы создали также Наталия Герман («Вид на Часовую башню», «Неприступные стены замка», «Выборг. Старый город»), Людмила Дашкевич («Башня Выборгской крепости», «Вид на крепость», «Арбалет»), Ольга Шаюнова («Лестница в замке», «Солнечный день», «Стены и арки», «Утро»), Нина Попова («Вид на яхт-клуб», «Старое и новое», «Тревожные дни Выборгского замка»). «Петербургским мастерам кисти удалось уловить тени прошлого в акварельные сети», — считает автор концепции выставки Наталия Озерова. Созданные акварели составили оригинальную экспозицию и вошли в коллекцию музея «Выборгский замок».

Необходимо отметить, что в фондах музея хранятся сотни картин и рисунков, посвященных Выборгу, исполненные мастерами разных эпох и стилей. Природа этих мест издавна

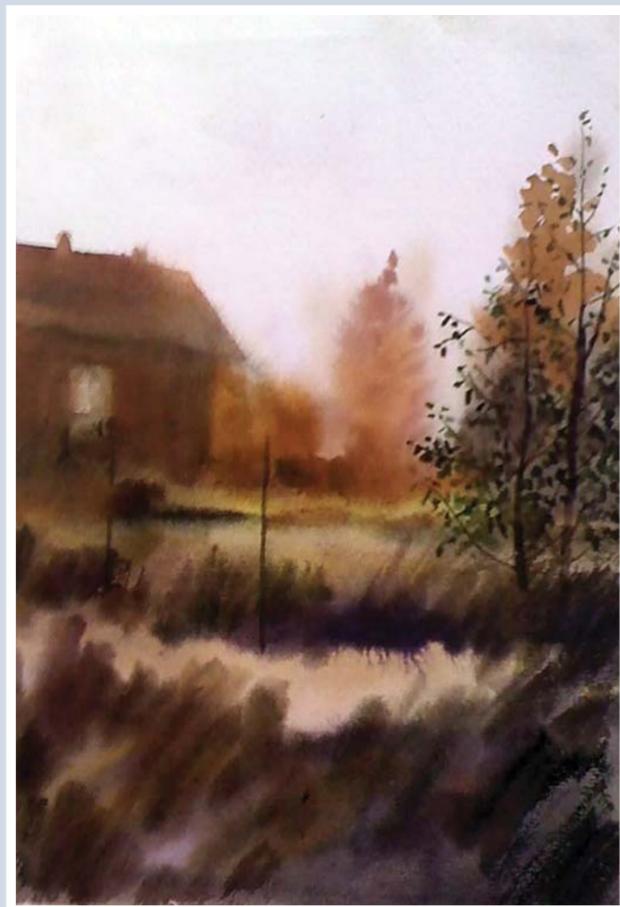
притягивала художников, служила их вдохновению, становилась объектом их творчества. Первое известное изображение Выборгского замка мы находим на карте России Антона Вида (1542 г.). С конца XVIII века город посещали известные русские художники, чтобы запечатлеть в своих полотнах красоту этих мест и особенно старинный замок. В 1783 году в Выборг приехал видный деятель русского искусства Н. Львов. По рисунку с натуры он создал гравюру с изображением Выборгского замка. Картина «Вид замка в городе Выборге», написанная в 1827 году, хранит память о посещении города художником В. Галяминым.

Л. Лагорио в 1848 году написал картину «Вид Выборга», хранящуюся ныне в Феодосийской картинной галерее. В 1862 году, с целью сбора материала для цикла картин о победах русского флота в войнах со Швецией, в Выборге работал известный русский мастер пейзажа и батальной живописи А. Боголюбов.

Этим летом на пленэре в Выборге одновременно с петербургскими акварелистами работала группа сту-

дентов факультета изобразительного искусства РГПУ им. А.И. Герцена, для большинства из которых это первый выездной пленэр. Жизнь вне дома, общение с природой, изучение шедевров архитектуры и садово-паркового искусства, ежедневное выполнение этюдов, набросков, эскизов, многочасовой напряженный труд в солнечную или пасмурную погоду под руководством опытного педагога, старшего преподавателя А.А. Латышева, создавали особый творческий настрой и способствовали приобретению полезного опыта.

Познакомиться с акварелями, выполненными художниками Санкт-Петербургского общества акварелистов в этом году, смогли посетители выставки «Акварельные тени Выборгского замка», в том числе и студенты факультета изобразительного искусства, будущие художники-педагоги. Таким образом, летом 2008 года в маленьком городе Выборге, имеющем прекрасные вековые традиции и теплую культурную ауру, сошлись пути людей, занимающихся художественным творчеством: живописью на пленэре.

«Ветреный день», бумага, акварель, 2008
 «Берег», бумага, акварель, 2008
 «Утро», бумага, акварель, 2008
 «Вечер», бумага, акварель, 2008

ТВОРЧЕСТВО

Дни в Манололе

О.И. ШИШКИНА,
 старший преподаватель кафедры рисунка

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

На заливе никого, кроме чаек — лебеди и курортники покинули эти края до весны. Даже ветра нет.

Волны лениво оглаживают берег и беззвучно отступают.

Тишина и вода. Много воды.

Я провожаю взглядом последнюю лебединую стаю. Кто-то считает ворон, а я — лебедей.

Со счёта сбилась — двадцать, я насчитала около того, прекрасных белых птиц... Невероятно красиво.

Они делают прощальный круг над водой, они вернутся через несколько месяцев.

И я зимой сюда не приеду — и снег идёт, и холодно.

Я остаюсь наедине с надеждой. С надеждой на то, что когда зацветут старые изломанные яблони на заброшенных финских хуторах, когда вернутся лебеди — вернусь сюда и я.

Кстати, не то чтобы мне не нравились другие птицы, но лебеди — они «пронзительнее», их белая красота на свинцовом фоне залива... она обособлена от множества моих впечатлений от Манолы, она как сказка...

ДРУГОЙ ДЕНЬ

Туман, заботливо обернувший лиловым саваном каждое дерево, трусливо прячется, столкнувшись с ярким пламенем красной смородины, которая разрослась на острове старого дома. Здесь, наверное, живут призраки...

Настоящая, несобранная, уже дикая смородина на жёлто-серебристом облачном фоне.

Она пугает своим цветом.

А вот ещё один фундамент — он покрыт разноцветным мхом, но до сих пор заметен. Он один выделяется из каменного хаоса своей рукотворной завершенностью. Здесь

я проникаюсь уважением к старым финским строителям, так мастерски управлявшимся с природной материей.

ЕЩЁ ДЕНЬ

Иду на берег. Снова камни. И вода, и редкие кусты шиповника, полыхающие кармином. Позднее своими оранжевыми плодами шиповник будет напоминать мне «наши», «северные», апельсины.

...Корни шиповника струятся по песку, оплетая камни будто змеи. Каждый камень — валун или галька — неповторим.

Я люблю рассматривать камни так же, как испещренные морщинами лица стариков.

Маленькие или большие камни — они впитали в себя историю края и молча хранят её. Сколько таинственных историй не рассказано...

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

Жарко. Залив затянут зелёной ряской. Зелёная с охрой — мягкая, обволакивающая, опасная вода — почти болото. Она манит, я вхожу в неё и... я не вижу дна. Вспоминаются строчки одного современного питерского автора:

«...сидеть на берегу, бросать в болото камни...»

Ещё несколько шагов в неизвестность — и меня ждёт чистая, и этим спасительная вода, тёплая, как парное молоко.

На воде и в моей душе — полный штиль. Я — русалка.

Камни, лежащие ближе к берегу, пристально следят за мной из неподвижной зелёной мути, запечатлевая меня в своей памяти. Ближе к вечеру мне станет страшно под их неотступными взглядами.

Но совсем скоро залив отцветёт, его вода снова станет прозрачной.

В.В. ЖАДАНОВ,
 художник,
 кандидат искусствоведения

АКВАРЕЛИ ШИШКИНОЙ

Аquarelle — в этом слове уже заключена стихия воды и — одновременно — бесчисленных образов, которые она способна воплотить, найти созвучия различным состояниям души и придать невидимую силу творческой энергии.

Российский зритель, в отличие от западной аудитории, ещё не знаком с акварелями Ольги Шишкиной и не любовался столь нежными, трогательными, буквально завораживающими видами Манолы. Это пронзительная тишина, миротворящая и одновременно тревожащая сила воды и камней вдохновила автора на создание поэтической серии акварелей. Преисполненные нежности и затаенного лиризма, они отражают глубину душевных переживаний живописца. Прозрачность цвета, утончённость линий и очертаний, лёгкость исполнения — всё это не оставляет сомнений в искренности чувств художника, которому зритель верит только тогда, когда сталкивается с талантливым выражением свежести впечатлений, состоянием безмятежности и покоя, когда мастер способен передать ощущение чистоты своего мировосприятия и чего-то таинственного, сравнимого, возможно, с детскими мечтами. ...Все то, что так необходимо в повседневных заботах среди городской суеты...

Несомненно, эти работы послужат началом новых серий и продолжением творческих исканий, которые обретут художественное воплощение в удивительно богатой акварельной технике Ольги Шишкиной.

«В ПОИСКАХ ВДОХНОВЕНИЯ»

Т. ЛУШНИКОВА,
старший преподаватель факультета изобразительных искусств

Есть на юге Голландии замечательное место на берегу Северного моря. Небольшой городок Домбург, продуваемый ветрами, казалось бы, далекая провинция. Но раз в году, весной, он становится культурным центром Зеландии (так называется этот район). Здесь проходит международный арт-фестиваль. Съезжаются художники из разных стран: Германии, Бельгии, Аргентины, России, Америки, Франции и, конечно, сами голландцы. Здесь для них созданы все условия для работы. Посмотреть на мастер-классы, на выставку и просто познакомиться с художниками приезжают сотни людей со всей Голландии.

Когда впервые попадаешь в этот уютный городок, очаровываешься голландской эстетикой, аккуратными домиками и палисадниками, чистыми улицами с неспешными жителями. Неспроста это место облюбовали художники, здесь жил известный художник-абстракционист начала XX века Пит Мондриан.

В Домбурге и его окрестностях художники находят темы для своих будущих произведений, здесь и цветущие сады, и характерные дома, мельницы, но самое главное для этого района — море и все что с ним связано.

Я также нашла вдохновение в этом прекрасном, гостеприимном месте. Несмотря на постоянный ветер с моря, часами можно сидеть на пляже и наблюдать за игрой волн, за приливами и отливами. Можно за несколько минут на велосипеде добраться до соседнего городка или до центрального города Миделбурга с его изысканной средневековой архитектурой.

Проезжая по окрестностям, по деревням, встречаешь знакомые по картинам голландских художников пейзажи: сельская местность с мельницами, уютными дворами.

Хочется возвращаться сюда вновь и вновь, в этот мир, далекий от столичной суеты.

«Уголок в Голландии», холст, масло, 2007
«Северное море», холст, масло, 2007
«Крыши Домбурга», холст, масло, 2007

